

СТРАНА НОЧИ

МЕЛИССА
АЛБЕРТ

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

Мелисса Алберт
Страна ночи
Серия «#YoungFantasy»
Серия «Ореховый лес», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62972878

Страна ночи: [роман] / Мелисса Алберт; перевод с английского О.

Полей: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119962-3

Аннотация

Эллери Финч помог Алисе сбежать из Сопределья и темного наследия своей бабушки отшельницы. Теперь же она и другие беглецы сказочного мира обосновались в Нью-Йорке, где Алиса пытается начать новую, далекую от магии жизнь. Но внезапно другие персонажи начинают умирать один за другим, и девушка подозревает, что их смерть преследует некую темную цель. Тем временем, в исчезающем мире Сопределья Финч ищет свое собственное приключение и, если ему это удастся, путь домой...
Продолжение романа «Ореховый лес» – бестселлера по версии The New York Times.

Содержание

1	5
2	12
3	28
4	35
5	45
6	55
7	63
8	77
9	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мелисса Алберт

Страна ночи

Майклу и Майлзу, моим единственным

Люблю компанию волков.

Анджела Картер

Melissa Albert
The Night Country

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств The Book Group и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского *Ольги Полей*

© 2020 by Melissa Albert

© О. Полей, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

Мне было восемнадцать, не считая столетия или двух в мире волшебных сказок, когда случился мой первый поцелуй.

Это было в мой последний год в школе в Бруклине, куда я перевелась после двух лет блужданий по хитросплетениям Сопределья. Я стремилась к нормальной жизни, к упорядоченности. Если честно, мысленно я уже видела, как сижу и занимаюсь в библиотеке, и на мне свитер цвета зеленой листвы, а стены вокруг отделаны деревянными панелями. Потом

я со стыдом вспоминала об этом, когда читала «Сердце одинокого охотника» под мерцание люминесцентных ламп в нашей бедной школе. И только одно помогало все это хоть как-то выносить – София Сноу.

Впрочем, пожалуй, «выносить» – не совсем подходящее слово. С ней одной жизнь становилась интересной. Или еще можно сказать – беспокойной.

София, так же как и я, была из бывших персонажей: еще один изгой Сопределья. Большие глаза, жилистое тело балерины и черные волосы, которые шевелились сами собой, будто водоросли. Лицо у нее было похоже на голограмму: оно все время менялось в зависимости от угла зрения, и на него хотелось смотреть и смотреть, пока не разгадаешь все его секреты. А пока до тебя дойдет, что это дело безнадежное, она уже выудит у тебя из кармана кошелек или снимет с руки часы.

Мальчишкам София нравилась. Не только мальчишкам, но с ними она то и дело бегала по каким-то придурочным недосвиданиям, в основном сводившимся к выпивке и шатанию по улицам. Одно время она и меня таскала за собой, и я соглашалась – был у меня такой период, когда казалось, что ничто на свете не может причинить мне вреда. Это придавало храбрости, но в то же время намекало, что я не так уж далеко ушла от бесчувственного оцепенения, от своей нечеловеческой сущности, и мне хотелось прогнать это ощущение.

Однажды вечером мы сидели у реки. На другом берегу

сверкал своими гранями геометрически правильный Финансовый квартал, я разглядывала все эти булавочно-крохотные окошечки и напоминала себе, что каждый огонек лампы – это сидящий за окном человек, а у каждого человека своя история, и в этом городе полно людей, чья жизнь совершенно не похожа на мою. Наверное, я надеялась, что от этих мыслей станет не так одиноко, но тут же мне подумалось – никто из этих людей, ни одна живая душа никогда не поймет, кем я была, что видела и откуда пришла сюда. А те, кто мог бы понять, и в их числе София, сами надломлены. Кто-то разбился, как стекло, на острые сверкающие осколки, кто-то рассыпался в прах, и город смел их с улиц, как мусор. Я уже немного опьянела от теплой колы с легкой примесью спиртного – сидела и думала, в кого же я превратилась, и так жалела себя, что даже сказать стыдно.

Один из мальчишек Софии (в эту ночь их с нами было трое – двое ей, кажется, нравились, а третий прицепился хвостом) сел рядом со мной. Это был один из тех, что покруче, более или менее секси, с двумя выбритыми полосками в бровях. Это, кажется, был знак чего-то, но я все время забывала, чего именно.

С минуту мы сидели молча.

– А знаешь, я за тобой иногда наблюдаю.

Такое начало не заслуживало ответа, и я ничего не сказала.

– Ты тихоня, но мне это нравится. У тебя зато душа кра-

сивая, да? – Он сам улыбнулся своим словам – все парни так говорят, когда пытаются строить из себя тонкие натуры, – воображают, что в ответ на такой комплимент девушка тут же выскочит из платья. Если я до сих пор ни с кем не целовалась, это еще не значит, что я не разбираюсь в их приемах.

– С чего это ты так решил?

– Ты такая маленькая, – туманно ответил он. Очевидно, домашние заготовки закончились. – Но я просто вижу, что у тебя очень красивая душа.

– Честно говоря, я даже не знаю, есть ли у меня душа вообще. – Я сказала это не ему, а силуэту города в небе. – Если душа – это то, что делает кого-то человеком, тогда у меня ее, скорее всего, нет. Разве что душу можно вырастить в себе – ну, знаешь, со временем. Но мне что-то не верится. Так что вот. Нет у меня души. Это я так, чтобы было понятно, почему твои пикаперские штучки на меня не действуют.

Это были мои самые правдивые слова за много дней и самая длинная речь за весь вечер. Я думала, он встанет и уйдет или уставится обалдело и обзовет сукой. Но он только улыбнулся.

– Ну ты и чокнутая, – сказал он. И полез целоваться.

Ему это удалось не сразу. Я вначале окаменела, а потом дернула головой и отвернулась. Наконец отодвинулась подалее и попыталась встать, раз он не понимает толстых намеков.

– Погоди, погоди, – со смехом проговорил он и обхватил меня рукой за талию. Он был таким сильным, что удержать меня ему ничего не стоило. Я не то чтобы испугалась, но и вырваться не могла. На губах у него был вкус колы и чеснока, они были липкими и все в чешуйках омертвевшей кожи.

Та, прежняя я, что могла бы когда-то убить его за это – превратить его кровь в лед одним касанием, – шевельнулась в груди. Мое внутреннее Сопределье: теперь оно обмелело, пересохло, от него почти ничего не осталось. Может, оно как раз и жило там, где полагалось бы быть душе, если бы я была настоящим человеком. Но теперь я была, в сущности, ни тем ни другим – не человеком и не жительницей Сопределья, а парень все тыкался мне в лицо так, что нечем было дышать.

И тут вдруг я хватанула ртом воздух, а парень заорал, и те места, где его кожа только что соприкасалась с моей, покрылись капельками холодного пота. Только через секунду я сообразила, что произошло: это София оттащила его от меня за волосы и швырнула на землю. Отвесила ему два пинка – увесистых и метких, а его дружки вопили: «Уй, блин!» – и даже не пытались прийти ему на помощь. Все это время София держала во рту зажженную сигарету, словно дело не стоило даже того, чтобы выбрасывать ее недокуренной.

Наконец она поставила ногу в грязном полукеде ему на горло. Придавила, должно быть, неслабо: он что-то захрипел, только невозможно было разобрать что. Пытался повалить ее, дернув за ногу, она отступила на шаг и пнула еще

раз, а затем наклонилась и взглянула ему в лицо.

– Ты не доживешь до тридцати, – проговорила она и выпустила дым ему в глаза. Без злобы проговорила, буднично. – Попадешь в катастрофу. Ну, хоть быстрая смерть. Если тебя это утешит.

Тут уж его дружки помогли ему подняться, обозвали Софию шизанутой и еще похуже, однако на всякий случай старались к ней не приближаться.

– Что? – все повторял парень, и лицо у него пошло пятнами от страха. – Что ты такое несешь? С чего ты это взяла?

Она не отвечала – молча смотрела, как они срываются с места и удирают, на бегу крича ей гадости через плечо.

Когда они скрылись, София повернулась ко мне.

– Это и был твой первый поцелуй? С этим засранцем?

Пожалуй. В каком-то смысле. По крайней мере, в этой жизни. Тут слишком многое пришлось бы объяснять, поэтому я просто кивнула.

София опустилась рядом на колени, положила руки мне на плечи и прижалась губами к моим губам. На них был вкус дыма и сахара, а еще по ним будто бежал щекочущий электрический ток – должно быть, все, что осталось ей от магии Сопределья или какой-то другой магии, благодаря которой она до сих пор, лишь раз взглянув на человека, видела в нем то, чего не видно. Например, как и когда он умрет.

– Ну вот, – проговорила она, отстраняясь. – Можешь теперь забыть этого парня. Вот это был твой первый поцелуй.

Вот о чем я люблю вспоминать, когда вспоминаю Софию Сноу. Маленький теплый момент, доказывающий, что не все поступки обитателей Сопределья направлены на зло. Но они чужие в этом мире, это правда. Они оставляют на своем пути трещинки – маленькие, незаметные, но от них может рухнуть целый город.

А раз они чужие в этом мире, значит, и я тоже чужая. Мы были хищниками и рыскали на свободе – в мире, неспособном нам противостоять. До того лета, когда сами стали добычей.

На следующий день после того, как умерла Ханса-Страница, я сидела в душном зале бруклинской школы, задыха-

ясь в плотной мантии из полиэстера.

София записалась в школу вместе со мной, но до выпускного не дотянула. Месяц едва продержалась. Слухи о том, за что ее в конце концов выставили, были противоречивыми. Мелкая кража. Не такой уж мелкий вандализм. Роман с учителем. Наконец, ее пугающая самоуверенность – продукт умудренного веками мозга и скрытой тяги к смерти, втиснутых в тело девушки-подростка.

Думаю, главной причиной оказалась последняя, но и все прочие были в той или иной степени верны. Я бы, может, и сама ушла тогда вместе с ней из солидарности, если бы не Элла. Моя мама, которую просто распирало от гордости за то, что ее дочь вот-вот получит диплом. Так что я кое-как доползла до выпуска, подтянула хвосты по физкультуре и выбрала в приемной накрахмаленную синюю мантию для церемонии вручения дипломов – она шуршала, как бальное платье, и села на меня так, будто я носила ее всю жизнь.

В воскресенье, в чудовищно жаркий июньский день, я прошла через всю сцену к директору, стоявшему там с пачкой бутафорских дипломов – настоящие нам выслали по почте. Подходя к нему, я вдруг ощутила чрезвычайно странное чувство – гордость. Я добилась своего. Хоть чего-то добилась! Вырвалась из круга бесконечных блужданий по лабиринтам сказочной реальности, продержалась столько месяцев не высовываясь и получила то, на что, в сущности, не могла рассчитывать. Прищуренными глазами я оглядела зал

в поисках Эллы, высматривая ее черное вечернее платье и ботинки с высокой шнуровкой – явно не по сезону.

Наконец я увидела ее почти в самом конце зала: она свистела в два пальца. Я подняла руку, чтобы послать ей воздушный поцелуй, и тут увидела женщину, сидящую позади нее. Так близко, что она могла бы протянуть к Элле руку и дотронуться.

Волосы у женщины были такими же кроваво-красными, как ее кепка с длинным козырьком, а глаза скрыты за круглыми дымчатыми очками, как у уличных торговцев. Увидев, что я на нее смотрю, она улыбнулась и подалась вперед – так что едва не коснулась подбородком маминого плеча. А затем подняла согнутый палец и поманила меня: «Иди-ка сюда».

Воздух в зале как будто слегка заколыхался: это две половинки моей жизни сошлись в одной точке и оттолкнулись друг от друга, словно магниты с противоположными полюсами. Я кое-как поплелась к своему месту: ноги вдруг словно разучились ходить. Сев на стул, я тут же вытянула шею, но уже ничего не могла разглядеть за морем четырехугольных шапочек выпускников.

Эта женщина была из Сопределья. Ее звали Дафна, и это из-за нее я вот уже несколько месяцев старалась держаться подальше от других бывших персонажей.

Аплодисменты вернули меня к реальности. Церемония закончилась, мои одноклассники смеялись и вопили, будто мы и впрямь совершили что-то стоящее. На какую-то секун-

ду я даже готова была с ними согласиться.

Освободившись, я тут же кинулась в вестибюль – искать Эллу. Она просияла мне навстречу улыбкой из-за букета синих гибискусов.

– Приветик, – сказала она, когда я схватила ее и крепко обняла.

– Привет. Как настроение?

– У меня-то? Потрясающе.

Она чуть отстранилась, но не выпустила меня из объятий. Я уже отрастила волосы и выкрасила в более темный цвет, но все равно мы с ней слишком выделялись. Даже смешно, как упорно люди могут не замечать того, чего не хотят видеть.

– И что теперь будем делать? – Голос у Эллы был такой, словно у нее уже слегка кружится голова от восторга. – Я сегодня в платье, а ты в... что там у тебя под этой штукой?

– Ну-у... Стирка у меня на этой неделе.

Она скорчила гримасу.

– Не знаю, что ты хочешь этим сказать, но на мне платье – не зря же я его надевала. Так что выбирай местечко пошикарнее, и пойдем обедать. Мороженое есть!

Конечно, надо было так и сделать. Нацепить на лицо улыбку и позволить маме отвести меня куда-нибудь в кафе-мороженое – отметить тот день, о котором мы обе думали, что он никогда не наступит. Но я не могла. Дафна здесь. Она сидела совсем рядом с Эллой, едва не дотронулась до нее. Я должна была узнать, что ей от меня нужно, и это сидело под кожей,

как заноза.

– Давай завтра? – неловко буркнула я, оглядываясь через плечо. Лицо у Эллы вытянулось, и я добавила: – Сегодня мне на работу надо. Забыла тебе сказать. Завтра, ладно?

– Идет. – Элла изобразила на лице улыбку, ясно говорившую, что она учуяла мое вранье, и обняла меня еще раз.

– Спасибо, что пришла, – пробормотала я.

Она легонько встряхнула меня за плечи.

– Я твоя мать все-таки. Не надо меня благодарить за то, что я здесь. А сразу после работы приходи домой, ладно? Закажем чего-нибудь вкусенького из ресторана.

Она подержала мое лицо в прохладных ладонях, а затем резко повернулась и, не оглядываясь, пошла прочь сквозь толпу. Это тоже была ее новая черта: когда она чувствовала, что от нее хотят отделаться, она сразу прерывала общение. Это всякий раз вызывало у меня чувство утраты, и я виновато думала, что могла бы пообнимать ее подольше. Вот и теперь – если бы я ей не соврала, мы бы сейчас ехали обедать в какое-нибудь шикарное место. Но я уже соврала, и мы уже никуда не едем. И, как только Элла скрылась, я тоже стала пробираться к выходу.

Я думала, что Дафна дожидается меня у входа, но ее не было видно. Весь тротуар запрудили семьи выпускников, братья и сестры обменивались тычками, мамыши, накрашенные помадой летних оттенков, и папаши в брюках цвета хаки уткнулись в телефоны. Я прошла сквозь толпу как бесплот-

ный дух. Поравнявшись с мусорным ящиком, стянула с себя мантию и бросила туда. Небо было низким и рыхлым и вызывало желание поскорее спрятаться куда-нибудь под крышу. И еще какое-то странное чувство висело в воздухе – ожидание чего-то. Как будто городская площадь, на которой я стояла – это мышь, а над ней нависла кошачья лапа.

Теперь все по-другому, напомнила я себе. У нас теперь новая жизнь. Если бы не уверенность в этом, я бы назвала странное ощущение иначе: предчувствие беды.

Вот история, которую я не люблю рассказывать.

Она началась прошлой весной, в один отвратительный день – холодный и солнечный до рези в глазах. На встречу обитателей Сопределья я пришла с опозданием, мои только что вымытые волосы застыли на морозе сосульками. Когда я только узнала о еженедельных собраниях бывших персонажей на втором этаже эзотерического магазинчика на авеню А, то подумала – вот оно, мое спасение от одиночества. От чувства, что я – самое странное существо на свете. И эти встречи в самом деле оказались спасительными. Но, с другой стороны, они меня сбивали с толку. Охлаждали, если можно так сказать, мое стремление во что бы то ни стало сделаться нормальной. Не давали расстаться со снисходительным отношением к самой себе: что, мол, взять с девушки, созданной для жизни в волшебной сказке, – легко ли ей теперь строить обыкновенную, несказочную жизнь?

Я уже привыкла иметь дело с одной и той же разношерстной компашкой бывших сказочных чудиков. Даже в тех, кого я терпеть не могла, было что-то утешительное, как в старых обоях, растворимом кофе и болтовне о том о сем – неделя за неделей. Но в тот день перед собравшимися выступала женщина, которую я раньше никогда не видела. Она была красива какой-то слишком броской, слишком живописной красотой, словно сошла с портрета Эгона Шиле: яркие губы на бледном, как лист бумаги, лице, волосы, которые подошли бы идеальной героине романа – они струились по спине сплошной рыжей массой. Женщина сидела на высоком стуле, подтянув колени, рукава у нее были закатаны до локтей. От ее голоса в обычно сонной комнате словно что-то потрескивало.

– Мы здесь лазутчики, – говорила она. – И так будет всегда.

Здесь было градусов на восемьдесят жарче, чем на улице, я сразу вспотела в своей многослойной одежде и попыталась скинуть пальто, одновременно удерживая в руке полную чашку кофе. Но страстная убежденность, прозвучавшая в ее словах, заставила меня застыть на месте.

– Этот мир – серость. Мир, где мечутся маленькие бестолковые людишки. Беспорядочный. Безобразный. Хаотичный. – Она стукнула кулаком по колену. – А мы? Мы горим. Мы горим на фоне этой серости алой лентой.

Ее голос был как наркотик. Густой, тяжелый, словно ту-

ман, он по-кошачьи мягко втирался в уши. Все, кто был в комнате, так и тянулись к ней, чтобы погреть руки над ее яростным пламенем. Даже я. Потом мне было противно об этом думать, однако и во мне она тоже зацепила какую-то струнку.

Женщина взглянула на сидевшего у ее ног паренька, от которого я до сих пор ни слова не слышала. Он всегда сидел с опущенной головой и беззвучно шевелил губами. Я подозревала, что большая часть его разума все еще обретается где-то в оборванной сказке.

– Кем ты был? – спросила она его. – Там, в Сопределье?

Лица мальчика я не видела, но по тому, как он съезжил плечи, уловила его страх.

– Я был принцем. Меня заколдовала ведьма одуванчиков и крови, чтобы обмануть принцессу. – Он обвел глазами комнату. – Иногда я снова чувствую, как меня согревает солнце Сопределья. Слышу, как шепчутся в земле жучки. Я не понимаю, почему я все еще мальчик.

Женщина бросила на него гневный взгляд.

– Ты не мальчик. Ты волшебное создание, ты насквозь пропитан магией. Мы здесь все такие. Гордись этим.

Тут она подняла глаза и уперлась взглядом прямо в меня.

– Мы не похожи на тех, кто создан в этом мире. Мы не должны принижать себя до них. Жить человеческой жизнью – значит забыть, кто мы есть. А забыть об этом – значит стать врагами самим себе. И друг другу.

– Ты, – сказала она, указывая на мужчину в неуклюжем свитере домашней вязки. – Встань.

Тот медленно поднялся на дрожащих ногах в заиндевевших ботинках, и у меня упало сердце.

Дело в том, что эти встречи предназначались не только для бывших персонажей. Туда пускали всех, кто не мог вписаться в нормальную жизнь после ухода из Сопределья. Люди из этого мира, которым удавалось найти дорогу туда, а потом вернуться обратно, были не похожи на нас, но все же между нами была связь. Мужчина в свитере со снежинками был одним из них. Не обитателем Сопределья. Человеком.

– Я и не думал... – запинаясь, проговорил он. – Я здесь не затем, чтобы...

– Тсс. – Женщина приложила палец к накрашенным губам и улыбнулась. – Ты идешь по очень скользкой тропинке. А в лесу полно волков. И у них острые зубы. И нам уже очень, очень давно некого было покусать.

Она закрыла глаза.

– Я хочу жить в мире волков. Когда я открою глаза, я не увижу здесь ни одного ягненка.

Человек в свитере со снежинками схватил свое пальто и выскочил за дверь. За ним, держась за руки, последовали две девушки с черной помадой на губах, а потом мужчина с дредами, торчащими из-под бесформенной шапки. Старушка в очках в тонкой оправе тоже двинулась следом, шаркая ногами, – но медленно, желая этой неторопливостью дать понять,

что она обо всем этом думает.

Я почувствовала, как вместе с этими людьми уходит половина моего «я». Та половина, что, очнувшись от дурного сна и открыв глаза, видела над собой мамино лицо. Та, что пробила в самое сердце сказочной страны, чтобы найти дорогу к маме, когда жители Сопределья пытались ее похитить. Но я не двинулась с места. Я ждала: мне хотелось увидеть, что будет дальше.

Когда они ушли, женщина открыла глаза с каким-то щелчком, будто кукла. Улыбнулась, сверкнув острыми как иглы зубами.

– Ну привет, волки.

После этого все вскоре разошлись, все еще вибрируя от повышенного напряжения. Мне противно было на них смотреть: вид у них был такой возбужденный и гордый, словно они только что выиграли войну против кого-то. Я пыталась улизнуть молча, но эта незнакомка поймала меня у лестницы.

– Ты ведь Алиса, верно?

Вблизи ее внешность казалась еще более необычной. Глаза у нее были серебристо-голубые, как у Пряхи. У многих бывших персонажей были такие глаза.

– Отличное представление, – сказала я. – Очень эффектно. Ты всю эту шнягу про волков прямо на ходу придумала? Она чуть сморщила нос, словно мы с ней просто дружески

подкалывали друг друга.

– Я слышана о тебе. Ледяная девушка. Та, что нас освободила.

Она сказала это как-то хитро, так что можно было понять в каком угодно смысле. Да, я первой нашла выход из Сопределья и, как потом выяснилось, пробила лазейку для других персонажей, которые выбрались вслед за мной. Правда, благодарности от них не дождалась.

– Да, так и было. Пользуйтесь на здоровье.

Я выставила в сторону локоть и попыталась обойти ее.

– А правду я слышала, что ты живешь с какой-то женщиной?

Я остановилась. Гипнотическая нотка в ее голосе больше не звучала, и я поняла, что она может включать и отключать ее когда захочет.

– В Бруклине, верно? Уютная квартирка на втором этаже? Мне нравится. Особенно синие шторы в спальне у этой твоей женщины.

Я схватила ее за плечо. Отчасти чтобы удержать, отчасти чтобы самой удержаться на ногах.

– К чему это ты?

Она взглянула на мою руку, а затем мне в глаза.

– Все ушло, а? Нет больше льда? – Злая легкость в ее голосе пропала. Она смотрела на меня почти с отвращением и говорила громко, так чтобы все, кто еще остался в коридоре, могли ее слышать. – Я сказала, что не хочу видеть здесь

ягнят.

Позже я узнала, что ее зовут Дафна. Она была последней из покинувших Сопределье. Той, что сплотила ряды и в прах разбила все попытки ассимиляции. По словам Софии, уже через несколько недель все они были у нее на крючке. Думаю, и сама Соф тоже. Хотя она мне многого не рассказывала.

Я не стала дожидаться, чем это закончится. Наяву я Дафну больше не видела до самого выпускного, но иногда она являлась ко мне во сне. Однажды ночью я проснулась, задыхаясь, и на грудь давила такая тяжесть, как будто эта чертовка на ней сидела. Клянусь, я видела ее у кровати – уличный фонарь выхватил из темноты ее острые зубы и рыжие волосы. Но, когда я включила лампу, в комнате никого не было.

В конце концов угрозы Дафны принесли свою пользу: они заставили меня решиться на то, что пора было сделать давным-давно. Я навсегда распрощалась с Сопредельем и решила жить полностью человеческой жизнью.

Было воскресенье, половина одиннадцатого. Что ж, раз Дафна не дождалась меня, я знала, где ее найти: в том самом душном эзотерическом магазинчике, вместе с Софией и остальными. Сегодня как раз был день встреч.

Что-то екнуло у меня в животе, когда я впервые за несколько месяцев подошла к этому дому. Дом был обшарпанным, кирпичным, с матовой стеклянной дверью, на кото-

рой красовалась табличка хироманта, а за дверью сразу начиналась лестница. Но ничего этого я не увидела: в глаза сразу бросилась Дафна. Она стояла, прислонившись к кирпичной стене и скрестив ноги, глаза были скрыты за круглыми дымчатыми стеклами очков. Увидев меня, она сделала знак мол, поторапливайся.

– Приветик, – проговорила она тягучим, фальшивым голосом. – В минуту уложилась.

Я медленно подошла ближе и остановилась, когда нас разделяло несколько квадратных плиток тротуара.

– Что тебе нужно?

– Хочу наладить отношения, – сказала она. – Кажется, у тебя сложилось превратное представление обо мне.

– Я практически уверена, что это верное представление. Скажи мне правду – чего ты хочешь?

– Красивая была церемония. Что, Элла очень гордится?

То темное, что жило у меня под ребрами, всколыхнулось.

– Не смей трогать имя моей матери своим грязным ртом. Если тебе что-то от меня нужно, если ты хочешь со мной поговорить или еще чего-нибудь хочешь – чтобы я от тебя больше ни слова о ней не слышала. И близко к ней не подходи. Никогда. Поняла?

Быстрым, как молния, движением она схватила меня за руку. Сжала и сразу выпустила. Проверка, подумала я. Вообще-то наплевать, но все же на миг мне захотелось снова стать такой, какой я была раньше: вернуть и лед, переполнявший

меня когда-то до кончиков ногтей, и готовность сковать ее намертво этим льдом.

– Если бы ты была моей дочерью, – проговорила Дафна, – прежде всего я научила бы тебя вот чему: никогда не показывай, где у тебя больное место и куда тебя лучше всего ударить.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

– Ладно, хрен с тобой, ты победила. Выжила меня отсюда. Я больше не лезу. Чего тебе еще от меня надо? Чего не успокоишься?

Она приподняла свои солнечные очки и на миг ослепила меня глазами, как тракторными фарами.

– Ну что ты, детка. Я просто присматриваю за тобой, какое же тут беспокойство?

Какой-то прохожий замедлил шаги и обернулся на ходу, не сводя с Дафны глаз. Она, все так же придерживая рукой очки, нежно улыбнулась ему и содрала виниры с верхней челюсти, обнажив два ряда заостренных акульих зубов.

– Матерь Божья! – воскликнул мужчина, споткнулся, едва не упал и бросился бежать.

Одним мизинцем Дафна осторожно вставила виниры на место и снова переключила внимание на меня.

– Давай начнем все сначала. Я не хочу делать из тебя врага. Я хочу, чтобы ты была с нами, потому что кровь Сопределя драгоценна – сейчас больше, чем когда-либо. Что бы ты ни думала, все равно ты одна из нас. И ты нужна нам здесь,

как и мы нужны тебе.

Я уставилась на нее. Да половина из тех, кто здесь собирается, покромсала бы меня на хотдоги, не моргнув глазом.

– Что это тебе в голову пришло? И почему сейчас?

– В последнее время было несколько смертей.

– Несколько... смертей? – Она сказала это так, как другой сказал бы: «Погодка выдалась дождливая».

– Три с начала весны.

– Кто умер? Как?..

– Убиты. Сначала принц леса. Потом Абигейл.

Принца я немного знала. Вызывающе красивый парень – волосы как лошадиная грива и плотный ряд белоснежных зубов. А вот Абигейл... К стыду своему, я не могла даже вспомнить ее лицо.

– А третья убита сегодня ночью: Ханса-странница.

Я отшатнулась. С Хансой мы встретились в Сопределье. Я знала, что она в Нью-Йорке, но последнее, что я о ней слышала – живет вместе с двумя бывшими персонажами, взрослыми, ходит в чартерную школу в Нижнем Ист-Сайде. Эта новость так меня поразила, что я даже забыла, с кем говорю.

– Но ведь Ханса еще ребенок. У нее-то во всяком случае есть... был шанс... У кого на нее рука поднялась?

– Ну так что же, что ребенок?

– Это ужасно, – тихо проговорила я. Когда я встретилась с Хансой в Лесу-на-Полпути, она была еще совсем малышкой. Внучка Луны... – Что случилось? Как они все умерли?

В голубых глазах Дафны мелькали тени. Если глядеть в них слишком долго, начинало казаться, что смотришь в отравленный пруд.

– Смерть – она и есть смерть.

– То есть?

Она не ответила и с властным видом повернулась к двери.

– Теперь ты знаешь. Теперь мы с тобой заключили мир.

Идем, тебе пора к своим.

Я взглянула сквозь стеклянную дверь на лестницу у нее за спиной – всю в мокрых пятнах, уходящую в тень второго этажа. Тоска мучила меня физически, как жажда – до того не хотелось туда идти.

– Спасибо, что рассказала. Но я сейчас не могу. Мне нужно на работу, – соврала я во второй раз за этот день.

– Нет, не нужно. – Она распахнула дверь. – Твоя последняя смена была в четверг, а следующая будет завтра. Сегодня ты не работаешь.

Не знаю уж, какое у меня было лицо, когда она обернулась и улыбнулась мне.

– Я забочусь о своих людях, даже о тех, кто сбился с пути. Не беспокойся ни о чем, принцесса. Я с тебя глаз не спущу.

Я поднялась за ней по лестнице – что же мне еще оставалось?

«Беги. Прячься». Но эти мысли были довольно вялыми.

«Мне нигде от них не освободиться». Эти слова пришли сами собой, непрошеными – меня словно кольнуло этим внезапным пониманием, и кровь сразу застучала в ушах. Чувствуя, как меня мутит от волнения, я вошла в пропахший чаями магазинчик.

Пока я ходила сюда каждую неделю, я быстро поняла, ко-

го тут нужно сторониться. Страшны были не те, кто покрыт чернильными татуировками до самых глаз, и не те, кто играет в пальцах ножом, как в плохом фильме из тюремной жизни. Другое дело – вон тот мужчина в строгом костюме, с добрыми глазами и едва заметной синевой в аккуратно подстриженной черной бороде. Мальчик с искусственной улыбкой, ростом не выше меня. Женщина с блестящими, как сталь, волосами, как-то шепнувшая, что у нее есть линия телефонной связи с Пряхой, и та готова впустить нас обратно в любой день.

Сердце у меня екнуло, когда я увидела Софию – она сидела, закинув ногу на ногу, на подоконнике в дальнем углу, рядом с каким-то парнем с необыкновенно красивыми губами – я таких никогда не видела. С самой весны я была ей довольно паршивой подругой: решившись порвать с Сопредельем, отдалилась и от нее. Теперь, после нескольких месяцев отсутствия, здесь все казалось вроде бы и тем же самым, но другим. Воздух был как будто слегка наэлектризован, и все шарахались туда-сюда, как коровье стадо перед грозой. Головы опущены, губы тянутся к самому уху соседа и шепчут что-то.

Все смотрели на меня. Кто равнодушно, кто с подозрением. Нет, думаю, мне не померещилось. Когда я подошла к Софии, она взглянула на меня так, словно не сразу поверила собственным глазам.

– А ты что тут забыла? – буркнула она.

Я удивленно заморгала.

– И тебе привет.

Глаза у нее были по-прежнему суровыми, но все-таки она взяла меня под руку.

– Что это с вами со всеми? – приглушенным голосом спросила я. – Что я такого сделала?

– Дело по большей части не в тебе.

После разговора с Дафной мне стало не по себе – теперь же по всему телу побежали мурашки.

– Ты слышала о смертях?

– Потом, – отрезала она, будто выстрелила.

Я поняла, что больше от нее ничего не добыю. Перевернула взгляд на того, кто стоял перед собравшимися и говорил речь: какой-то тип лет сорока. Видимо, Ханса была первым пунктом на повестке дня, а дальше собрание пошло своим чередом, как всегда, неотличимое от других встреч в любой группе поддержки.

Говорившего я раньше не встречала, но сразу поняла, что он здесь один из самых опасных. Оживший ночной кошмар в полный рост: незнакомец из переуллка, тот, что крадется за тобой в темноте. В комнате было жарко, но он стоял в грязной вязаной шапке и мешковатом, не по размеру, комбинезоне.

– Вот так я снова здесь оказался, – говорил он. – Опять баба – все из-за баб, черт бы их побрал. А скрывать трудно становится. Каждый раз, как какая-нибудь выпросит свое –

начинай другую жизнь, все по новой. Жить бы где-нибудь в безлюдном месте, самому по себе. Как там, дома. Чтобы только я один – ну, и баба, когда на баб потянет. А здесь они все не такие, здесь вообще все не такое, да еще скрывайся каждый раз.

Я оглядела комнату. Почти все теперь стояли спиной ко мне, смотрели на говорившего, а те лица, которые я могла разглядеть, своих тайн не выдавали.

– Вот я и решил вернуться, – продолжал мужчина. – Туда, где никому ни до кого дела нет. Бабы тут, правда, еще хуже, зато от них потом легче отделаться. Хлопот меньше. Даже уходить никуда не надо, живи где живешь.

Я могла бы сказать себе, что не уловила смысла его слов. Но я была женщиной Сопределья, а он – мужчиной Сопределья. Я поняла – он мучил женщин и будет продолжать это делать, если дать ему волю. Я взглянула на Дафну – лицо у нее было безмятежным. Спокойным. По нему и не поймешь, что она только что услышала.

– Я рад, что вернулся, – сказал он, поерзал в своем комбинезоне и скривился в жутковатой ухмылке. – Они тут хорошенькие, в этом им не откажешь. А тут, в этой комнате, чувствуешь себя даже вроде как дома.

Никто не захлопал и ничего не сказал, но он все же стянул шапку и слегка поклонился. Грязно-рыжие волосы упали на лоб.

И я вновь с необычайной ясностью почувствовала гни-

лостный запах из его рта, как там, в Сопределье. Вкус смерти, ненависти и прогорклых остатков его последнего обеда.

Я знала этого мужчину. Его история – это была и моя история.

«Трижды-Алиса» – так называлась эта сказка. Раз за разом я проживала ее в Сопределье, там, где жизнь текла по сказочным законам. Ее написала десятки лет назад мамина мама, Алтея Прозерпина, и включила в книгу «Истории Сопредельных земель». В этой сказке я была принцессой, а тот мужчина – женихом, которому я досталась. Я должна была стать его женой – или служанкой, или еще хуже... В сказке я убила его, не дожидаясь развития событий: поцеловала, и его кровь превратилась в лед. А что было дальше, я не узнала, потому что нашелся человек, который все силы положил на то, чтобы помочь мне вырваться на волю из этой сказки.

Но здесь, в этом мире, за пределами страны, которая когда-то связывала меня с этим жестоким негодяем, я просто сбежала. Пригнулась, чтобы он меня не заметил, протолкалась сквозь толпу мимо Дафны, бросившей на меня острый взгляд, загрохотала ботинками по лестнице и вылетела на улицу.

Низкое серое небо наконец треснуло. Тучи слиплись, словно мокрая бумага, и из них посыпался затяжной дождь. Выскочив на тротуар, я побежала дальше. Наверное, капли дождя могли бы показаться очищающими, но они были

слишком теплыми – как язык, как кровь. Я остановилась под зеленым тентом у киоска и постаралась взять себя в руки.

Мне пришлось сражаться за эту жизнь. Обыкновенную. Скучную. Такую, где дни идут за днями по заранее заданному распорядку. Я была пленницей, я разбила сердце моей матери, проломила неприступные стены на пути к этому миру. Я ненавидела их всех за напоминание о том, как хрупко это мое благополучие. Дафну. Этого ужасного мужчину. Того, кто убил бедную Хансу.

А что, если он и убил – этот мужчина из моей сказки? Вполне возможно. До сих пор в этом мире я встречалась только с одним персонажем из своей истории: с младшим братом этого мужчины, совсем не похожим на него. Однажды, когда мне было шесть лет, он уговорил меня сесть с ним в угнанную машину – и потом еще раз, когда мне было уже семнадцать. Но с тех пор я его не видела. Не все мы покинули Сопредельные земли после того, как моя расколдованная сказка рухнула, словно костяшка домино, повалив следом и весь остальной мир. После моего ухода – после того как тот, кого давно уже нет, помог мне вырваться, – сказки стали рассыпаться на глазах, и уже даже Пряхе не под силу было сплести их заново. Одно время я думала, что Сопределье и вовсе перестало существовать, но потом узнала: оно еще живет, еще сочится кровью, словно половинки заколдованного яблока соком. Только двери его теперь закрыты.

Я встала рядом с кулером, где лежали во льду, словно уст-

рицы, половинки арбуза, пахнувшие дождем, выхлопными газами и срезанными тюльпанами. Я стояла с закрытыми глазами, пока в памяти не всплыло его лицо: лицо мальчика, который помог мне вырваться на свободу.

Когда здесь становилось слишком жарко и солнечно, когда вокруг было слишком много суеты, злобы и ледяного света электрических ламп, я думала об Эллери Финче и о его странствиях по иным мирам. О том, как он ищет их за потайными дверями, под шапочками желудей, под крышками больших чемоданов. Там было хорошо, в этой мечте. Раньше я не позволяла себе вспоминать о нем, но недавно вдруг подумала – а чего бояться? Это лучше, чем приложение для медитации.

Когда я снова успокоилась и собралась с духом достаточно, чтобы вынести известие о трех смертях, слова того мужчины и скрытую в них угрозу, я пошла дальше. Убедившись, что никто из наших за мной не следит, спустилась в метро.

И задумалась. Любопытно, что это говорит обо мне нынешней – то, что я сбежала от этого мужчины на собрании. Ведь когда-то, в Сопределье, я его убила.

Когда я вошла, открыв дверь своим ключом, Эллы не было дома. Кондиционер у нас сломался, и Элла все настаивала, что сама сумеет его починить, поэтому вокруг перевернутого кондиционера валялись разбросанные инструменты, и воздух был таким горячим, что чуть ли не колыхался. Я стояла перед холодильником в насквозь промокшей одежде и

жевала завалявшийся там кусок пиццы, болтая дверцей взад-вперед, чтобы обдувало. Потом перешла к мороженому, стала есть его прямо из картонной коробки – и тут вдруг замерла: где-то в глубине квартиры послышался тихий скрип. Единственный осторожный шаг по старым разохшимся половицам.

Я поставила мороженое на место. Холодильник у меня за спиной задрезжал и умолк. За окном кричал пересмешник, подражая звонку сотового телефона. А из глубины квартиры снова донесся скрип.

Дыхание у меня моментально переключилось с автоматического режима на ручной. Я прошла по коридору, заглядывая в пустые комнаты. Моя, Элина, дальше – ванная размером с воронье гнездо.

– Привет?..

Мой голос упал в тишину, как камень в воду, и я поняла, что никого, кроме меня, здесь нет. Вот идиотка – в пустой квартире трясусь как овечий хвост как только примерещится то, чего я все время жду: что наши злоключения вернулись.

В ванной я умылась, побрызгала водой в глаза и в рот, смыла с языка остатки мороженого. Сердце все еще колотилось, как какой-нибудь дурацкий барабан. Я подняла голову, капая водой в раковину, и увидела в зеркале за спиной чье-то лицо.

Мелькнуло что-то синее, белое и черное, бледная полоска зубов... Я затаила дыхание и выдохнула только тогда, когда

прижала неизвестного к стене и мои руки легко, словно крылья бабочки, сомкнулись у него на горле...

У нее. На Эллином горле! Это же ее синие глаза и черные волосы. Ее кожа с солнечными крапинками веснушек. Все произошло так быстро, что она, кажется, даже не успела испугаться, пока я не выпустила ее.

Мы смотрели друг на друга. Из-за окна доносился лай собаки и детский крик.

– Я подкралась сзади, – сказала Элла, чуть тяжело дыша. – Я тебя напугала.

Мы кивнули одновременно, словно пара метрономов.

– Извини, – сказала я. Откашлялась и повторила еще раз: – Извини. Я не сразу поняла, кто это.

Элла попятилась из ванной, словно не хотела поворачиваться ко мне спиной.

– Ты рано пришла домой. Значит, все-таки не работаешь сегодня?

Только через секунду я вспомнила, о чем речь.

– Нет. Перепутала.

Ужин прошел за светской беседой о моем выпускном и об Эллиных коллегах по ее временной и не особенно прибыльной работе, под аккомпанемент одной из наших старых кассет – из тех, что мы всегда слушали в автомобиле. Это я подарила ей на день рождения винтажный магнитофон, чтобы проигрывать музыку, которую она так любила слушать в до-

роге: Пи-Джей Харви, Слитер-Кинни, Bikini Kill и еще всякие группы с названиями, как у красок – Smog, Pavement, Gabardine. Мы сидели за столом долго, старательно делая вид, что между нами ничего не произошло. Элла поставила мой выпускной букет в пустую банку из-под маринада. Я поцеловала ее в щеку и с подобающей торжественностью унесла цветы к себе в комнату.

Я пыталась погрузиться в тайны «Охоты на овец», но глаза то и дело сами собой устремлялись на дверь. И на окно. Около полуночи я услышала, как радио у Эллы смолкло. В час наконец встала с кровати, не выдержав беспрестанного зудения под кожей.

Я прокралась по дому, как вор. Элла тихонько дышала у себя в постели, и замок на входной двери был в порядке. Никто не прятался ни за занавеской, ни в тени дивана. Но Ханса лежала где-то мертвая, а злодей из моей истории – нет, потому что ни в одном мире нет справедливости и равновесия.

На кухне я заварила кофе при свете уличного фонаря, добавила меда для сладости и молока, чтобы охладить, а затем бросила туда кусочек льда. В окна веял июнь: легкий, окутанный бензиновым запахом. Во дворе у нас росла мимоза; прижавшись лбом к стеклу, я увидела, как шевелит цветы ветерок.

В моей сказке я была черноглазой принцессой, никем не любимой. В моих руках таился губельный холод, мое прикосновение несло смерть. Покидая Сопределье, я унесла в

себе лишь крошечный осколок этого льда. Но со временем и он тоже растаял.

Мне не хотелось оплакивать потерю того, что делало меня чудовищем, но, услышав о трех убитых бывших персонажах, я теперь чувствовала себя безоружной. В голове крутились бесформенные мрачные мысли, хоть я и не хотела давать им воли. Ни к чему думать о том, чего иметь все равно нельзя, да и желать, по-хорошему, не следует.

Я унесла кофе к себе в спальню. За те считанные минуты, что меня не было, комната уже пропиталась запахом выжженной земли и сигарет без фильтра. Я открыла зарешеченное окно, выходящее на пожарную лестницу, и высунула голову.

– Курение убивает, – сказала я.

София сделала последнюю затяжку и затоптала окурок каблуком.

– Очень смешно.

Она вошла в мою комнату и, как всегда, стала обследовать ее, словно грабитель или полицейский. Провела пальцем по корешкам книг, сделала глоток кофе из моей чашки. Потом подошла к комоду и стала перебирать и рассматривать по очереди все, что на нем было. Блеск для губ «Доктор Пеппер». Цветущие синие гибискусы. Розетку, которую мама сделала из того грязного шелкового платья, в котором я вернулась из Сопределья. Не знаю, куда она девала остальной шелк.

– Не спится?

Я покачала головой, хоть София и не могла этого видеть. У нее всегда было обыкновение появляться в тот момент, когда у меня беспокойно на душе. А может, она появлялась и тогда, когда все было в порядке, только я не просыпалась.

– Итак, – сказала она, разглядывая себя в зеркале, прикрученном к дверце моего шкафа. – Ты сбежала.

– Да иди ты, – огрызнулась я и уткнулась лицом в подушку. Почувствовала, как кровать просела, когда София опустилась рядом со мной и стала тыкать мне пальцем между лопаток, пока я не подняла голову.

– Да я не собираюсь тебя ругать, честно. Просто хочу знать почему.

Почему я сбежала? Что я почувствовала, когда снова увидела его и вспомнила, каково мне было там, в сказке, где мы были неразрывно связаны друг с другом? Конечно, отвращение, конечно, страх – куда без этого. И злость тоже. Но было и еще кое-что: какое-то болезненное любопытство. Если бы я могла, я бы отключила вообще все чувства, а уж этого тем более чувствовать не хотела.

– Я его убила, – сказала я в потолок. – Я уже сто раз его убивала. Ты бы не сбежала на моем месте?

Она молча смотрела на меня до тех пор, пока я не подняла на нее взгляд. Ее глаза были как две далекие планеты.

– Ты убила его, потому что он заслужил смерть. И здесь уже успел заслужить, могу поспорить.

Я вглядывалась в ее лицо, и в голове шевелилась жуткая, щекочущая мысль.

– Соф... ты же понимаешь, что здесь это навсегда? Умер – значит, умер.

– Конечно, знаю, – проговорила она с неожиданной злостью. – Алиса, почему ты пришла именно сегодня? Именно в этот день, ни раньше ни позже?

– То есть? А чем этот день такой особенный?

Она не ответила.

– Это ты у Дафны спроси, почему сегодня. Это она меня туда затащила.

– Затащила? А ты кричала и отбивалась, да?

– А это еще к чему?

– Хватит делать вид, что у тебя нет выбора, вот к чему. – Голос у нее был жестким. – Из нас всех ты единственная делаешь вид. Или ты с нами, или нет. Так вот. То, что ты вернулась сегодня, означает, что ты сделала выбор?

– Господи ты боже мой. Подумаешь, на одну встречу пришла.

– Дафна сейчас завела такие порядки, что... Алиса, бегать туда-сюда больше не получится.

– Дафна... Да ей не очень-то и хочется, чтобы я была с вами. Она проверяла... по-моему, она сегодня проверяла, могу ли я еще это делать. Ну, знаешь – остался ли во мне еще лед.

Я усмехнулась, хотя на самом деле мне хотелось плакать.

София не стала смеяться вместе со мной.

– Ну и как, остался?

– Что?.. Нет. Ты же знаешь.

С минуту она испытующе глядела на меня, не говоря ни слова.

– Вот чего я не понимаю, – сказала она. – В твоей сказке ты была непобедимой. Ты была чудовищем Сопределья. Что же ты сейчас из себя мышонка строишь?

Она произнесла «чудовище» не так, как произнесла бы я. Это прозвучало торжественно, словно почетный титул. Как будто она сказала «королева».

– Я не мышонок. – Я взглянула на свои руки и вспомнила, как они сжались на горле моей матери. И свой восторг, который только потом сменился стыдом.

– Я тебе не мышонок, – повторила я.

– Вот и хорошо, – отозвалась София. – Потому что мышонком быть не время. Творится что-то очень нехорошее.

– Я знаю об убийствах. Дафна сказала.

– Она не все тебе рассказала.

От ее молчания повеяло чем-то мрачным. И это что-то скалило зубы.

– Их не просто убили. Еще кое-что случилось.

Плечи у меня сами собой съежились. Что бы она ни сказала дальше, мне это не понравится.

– Тот, кто их убил, забрал у них кое-что. Какую-то часть. – София тяжело вздохнула и закурила еще одну сигарету. Курить в спальне у нас было не принято, но я ничего не сказа-

ла. – У принца отрезали левую руку. У Абигейл – правую. А у Хансы – левую ступню.

У меня сами собой поджались пальцы на ногах.

– От кого ты это слышала? – спросила я шепотом. – Все уже знают?

– Не знаю, кто знает, а кто нет. Мне Робин сказал – и не признался, откуда это взял.

Хоть я и не просила, она протянула мне сигарету. Я уже давным-давно не курила, и сейчас никотин разлился в крови болезненным жаром. Я докурила сигарету до самых кончиков пальцев. Курила и размышляла, хоть и старалась не думать. Выглянула в окно, ища глазами белый парусник луны. Но небо было плотно затянуто тучами, да и не все ли равно – Луна ведь, в сущности, просто камень.

– Тебя долго не было, – сказала София. – Ты хотела уйти. И я тебя понимаю. Правда, понимаю. У тебя в этом мире есть то, чего нет у нас, и это хорошо. Но сейчас что-то затевается. Так что либо ты стоишь в стороне, либо ты с нами. А если с нами, то пришло время вспомнить, кто ты и что ты. Иначе есть риск не выбраться из этого живой.

Я знала, что потом меня будет грызть совесть. Потом я вспомню, что моя мать лежала в соседней комнате, спящая и беззащитная, когда я так легкомысленно открыла окно, чтобы впустить Софию, ночь и все, что могло войти вместе с ними. Но сейчас я только смотрела в ее бесстрастные красивые глаза.

– А кто я?

– Сначала скажи, что ты уверена. И будь уверена.

Я не была уверена ни в чем. Но кивнула.

– Ты не жертва и не девица в беде. И ты не из тех, кто убегает. – Она взяла меня за обе руки. – Ты – Трижды-Алиса.

– Я уже не помню, как ею быть. – Я сжала ее руки в ответ. – Я забыла. Пришлось забыть.

Улыбка у Софии была как серп луны – только острый краешек.

– Я помогу тебе вспомнить.

Уйдя из школы, София перестала болтаться с нью-йоркскими мальчишками. Теперь я поняла, что быть человеком, быть с людьми – это было для нее что-то вроде одежды, которую она не прочь примерить. Но эта одежда никогда не была ей впору. Теперь у нее вроде как был парень из бывших персонажей. Или просто тот, кому она звонила, когда я не отвечала на ее сообщения.

Робин жил в Краун-Хайтс, в квартирке с низкими потолками, вместе с соседом, который недавно бросил учебу в

школе бизнеса. Соседа звали Эрик, он был туп как бревно и считал, что сосед у него такой странный, потому что он из Исландии. Оба спали в одной комнате на двух односпальных кроватях, а во второй что-то выращивали.

Было почти три часа утра, когда София открыла дверь своим ключом и мы вошли. Эрик развалился перед плоским экраном и играл в какую-то стрелялку. Под мышками на его футболке с Pussy Riot расплылись желтые пятна.

– Приветствую, дамы, – сказал он, прервав игру. По понятиям Эрика это был знак особого уважения.

София окинула взглядом гору засохшей пиццы на кофейном столике.

– А Робин где?

– Сама знаешь. Дурью мается. – Он бросил взгляд на меня и снова включил игру. – Скажи ему, что я его пиццу съел.

Кажется, София полюбила Робина за то, что он тоже никогда не спал. Мы нашли его в дальней комнате: он сидел на корточках и возился с чем-то, чего я не могла разглядеть. Растения, расставленные под слепящими фитолампами, тянулись аккуратными зелеными рядами.

– Ильза! – сказал он, увидев Софию. Он всегда называл ее тем именем, которое она носила в Сопределье, а она каждый раз его поправляла.

– София. – Она ткнула его носком туфли. – И Алиса тоже здесь.

Робин поднялся с пола и выпрямился во все свои шесть

с половиной футов. Все его чувства всегда были написаны на лице, и сейчас он смотрел на меня с необычной для него настороженностью.

– Как дела?

– Отлично. А у тебя?

– Хорошо. – Он сжал зубы. – Лучше некоторых. Дышу ведь пока?

– Робин! – Голос Софии был похож на щелчок лопнувшей резинки.

Трудно играть в гляделки с бобовым стеблем, но я попробовала.

– Что-то не так?

Он покачал головой и отвернулся. Это было немного обидно. Мне-то всегда казалось, что он хорошо ко мне относится.

София осторожно потрогала пальцем листья в форме сердечка.

– Что это с твоим приятелем случилось?

Выразительное лицо Робина помрачнело.

– Не только с этим. – Он обвел рукой свое сонное зеленое царство. – Со всеми.

Я склонилась над растениями, чувствуя, как в горле першит от болотного запаха. Растения были вялыми. Сбрасывали засохшие листья. Некоторые были в серых и белых пятнышках, некоторые побурели, как мамин куст розмарина, который она забывала подкармливать. Эти растения Робин

сушил на солнце и в духовке, молот и вымачивал. Потом их можно было курить, нюхать, есть или пить – и все это были растения Сопредельных земель. Он собрал их на стволах деревьев, что росли когда-то в Лесу-на-Полпути – именно там находилась дверь, через которую вышли бывшие персонажи. Я никогда не пробовала ни одного из этих растений, но слышала о том, что они могут творить и с телом, и с головой.

– Бедняжки, – пробормотала София, глядя на них почти с нежностью. – Что это с ними?

– Не знаю. Все уже перепробовал, но с каждым днем болезнь поражает все новые и новые. Я не в силах отвести от них руку смерти.

Иногда он все еще сбивался на такой слог – как в «Игре престолов». По крайней мере, он не кривлялся, это была его естественная манера.

София смяла лист и стерла в порошок.

– Так принеси новые.

– Нечего нести. Те, что в лесу, тоже погибают.

– Странно, – пробормотала София и встала. – Скажи хотя бы, что у тебя найдется что-то для Алисы.

– Для Алисы? – Мое имя прозвучало у него почти как ругательство. – А Алисе-то что нужно?

Укол пришелся в больное место.

– От тебя ничего. Идем, Соф.

Она не обратила внимания на мои слова.

– То, что поможет ей вспомнить, какой она была. Там, в

Сопредельных землях.

– А по-моему, ей-то уж это точно ни к чему.

– О чем это ты? – спросила я. Одновременно София размахнулась и отвесила ему пощечину – нечто среднее между шуткой и нокаутом.

– Ну-ка, хватит, – сказала она резко. – Если хочешь, чтобы я еще хоть раз здесь появилась, прекрати сейчас же это свинство.

После долгого молчания Робин слегка поклонился мне с пришибленным видом.

– Хорошо. Я был груб. – Он скользнул взглядом по Софии. – У меня есть кое-что, что поможет это загладить.

Мы сидели у Робина на крыльце и слушали тишину ночного города. Луч уличного фонаря сиял в старой бутылке из-под «Попова» в руках у Робина, до половины заполненной ядовито-зеленой жидкостью.

Он слегка наклонил ее.

– Растения, из которых я приготовил это снадобье, там, дома, росли повсюду. Они не питались солнцем. Для них лучше звездный свет.

– А если я это выпью, что будет?

Робин ухмыльнулся и стал похож на дьявола – может, он им и был в Сопредельных землях.

– Есть только один способ узнать.

Я никогда не была любительницей измененного состояния

сознания. Когда-то я и так слишком долго в нем пробыла. Теперь самое большее, что я себе позволяла – пригубить рюмку или прочистить мозги кофеином. Но я сегодня уже один раз сбежала от Сопределья. Больше я бежать не намерена.

Я взяла в руки бутылку. София смотрела на меня во все глаза, а руки засунула под себя, словно пыталась удержаться от чего-то. Ликер пах как холмы в «Звуках музыки» и переливался на языке. В крови зашипели пузырьки, голову словно гелием накачали.

– Черт, – прошептала я.

Робин засмеялся, взял у меня бутылку и тоже выпил. После Софиной пощечины он как-то расслабился. Мы передавали бутылку друг другу, сидя на ступеньках, и напиток мерцал во мне, словно огоньки над водой.

– Приятно чувствовать себя живой, – сказала София, запрокинув голову. – Пока еще можно.

– Не надо так, – тихо сказал Робин.

Я тут же ощутила на языке привкус меди.

– У нее же были родители, да? – неловко спросила я. – У Хансы?

София пожала плечами.

– Были какие-то люди, с которыми она жила. Видимо, они ее воспитывали.

– Ну да. Это и есть родители. Они ходят на собрания? Кто-нибудь с ними разговаривал?

– Говорить о грустном за выпивкой – плохая примета, –

сказал Робин.

Я открыла рот, чтобы возразить, и ахнула.

Наверное, мы все ощутили это разом в тот миг, когда начало действовать волшебство. Не знаю, что почувствовали София с Робинот, а меня пронзило ледяным порывом ветра, взметнувшимся где-то под сердцем. Я зажмурила глаза и открыла их уже в новом мире.

Бруклин был все таким же теплым, как вода в ванне, таким же туманным, по-прежнему из бетона, железа и каменной плитки – коричневой, красной, кремовой. Его все так же окружала бесформенная, непроглядная ночная тьма. Но было в нем и что-то еще. Деревья выглядели как в 4D-фильме: они стали как-то плотнее, рисовались ярче и четче. Все сделалось резким, как на фото Ман Рэя, но и каким-то плоским, отчего такая резкость казалась совершенно неуместной. Покачивающиеся на ветру бутоны магнолии и лимузин, стоявший под ней в полуквартале от нас, словно придвинулись так же близко, как сидящая рядом София. Казалось, в этом мире все можно трогать руками и вертеть как угодно, а по улице, освещенной ночными огнями, плыть, как по воде.

Робин покачал в воздухе ладонью, словно взвешивал его, и запел:

*Красная птица, и черная птица,
И стрекоза, и пчелка,
Сотките, сотките наряд для девицы,
Легкий, будто из шелка.*

Прошло несколько секунд, а затем три скворца вспорхнули с крыши соседнего дома и устремились к Робину. Я пригнулась, когда они стремительно прочертили круг у нас над головами, и вид у них был удивленный, насколько это возможно для птиц, а затем взмыли ввысь и разлетелись в три разные стороны.

– Ни фиги себе! – сказала я.

– Черт бы побрал этих ленивых птиц. – София откинулась назад, опираясь на локти. – Где наряд-то?

Лицо у Робина сделалось мечтательным и жестким одновременно.

– Я сам сотку его для тебя, любовь моя. Только скажи, и я дам тебе все, что ты захочешь.

– Только не то, что нужно. – Она провела рукой по его лицу, чуть согнув пальцы, так что на щеке осталось пять тонких полосок. – Обещаю, однажды ты полюбишь ту, чье сердце можно завоевать платьями.

Словно не замечая выражения его лица, София повернулась ко мне. Она закурила сигарету и стала ловить пальцами струйку дыма – лепить из нее ленты, кинжалы и сосульки.

Я моргнула, и фигуры исчезли. София сунула сигарету в рот Робину и запустила обе руки в свою огромную сумку, битком набитую полупустыми бутылками с соком, книжками, которые я дала ей почитать, и косметикой, стащенной в Duane Reade. Через минуту она откопала там жидкую под-

водку для глаз.

– Сиди тихо, – сказала она.

– Зачем?

– Ш-ш-ш. – Она встала передо мной – коленями на бетонные ступеньки. От нее пахло табаком, кофе и мылом, тоже стащенным в магазине. Брови у нее изгибались как у звезды немого кино, а глаза были золотисто-коричневого оттенка. Сияющие лучи цвета охры, виски и песка – и ничего за ними. Как ни любила я ее, меня всегда бросало в дрожь от этих бесстрастных непроницаемых глаз.

Подводка заскользила по моим щекам. Робин молча смотрел на нас. Через несколько минут София закрыла тюбик и легонько подула на кожу.

– Так, – пробормотала она. – Отлично.

Она вытащила маленькое ручное зеркальце в форме сердечка и поднесла к моему лицу. Я слышала, как дыхание у меня оборвалось и снова восстановилось.

Виноград. Она разрисовала мне лицо виноградными лозами – спутанными, вьющимися в разные стороны.

– София! Это... это же...

– Твоя сила, – прошептала она мне на ухо. – Помнишь сегодняшней страх, от которого ты бежала? Это значит, что ты отказываешься от своей силы. Но если мы захотим, этот мир будет бояться нас, Алиса. И еще как бояться!

Она разрисовала мое лицо татуировками Верескового короля. Это он пришел в квартиру моего отчима и похитил у

меня Эллу, когда мне было семнадцать лет. Может, он уже мертв, а может, живет где-то. Было время, когда из всех моих кошмаров на меня глядело его лицо. Я рассказывала об этом Софии. Она знала.

Я покачала головой из стороны в сторону, и мое отражение чуть отодвинулось назад. Я кое-что вспомнила. То, что изо всех сил старалась задвинуть в самый дальний уголок памяти все эти месяцы, пока жила в Нью-Йорке.

Не всегда плохо быть чудовищем.

Девушка в зеркале усмехалась, глядя мне в лицо. Виноградные лозы сплетались вокруг ее глаз, словно маска жениха-разбойника. Рядом блестели золотые глаза Соф. Мы отлично смотрелись вместе. Как два карающих... хм. Не ангела, это точно.

– Я знаю, где он живет, – прошептала София.

– Кто?

Она встала. Она знала, что я прикидываюсь.

Я стояла на развилке двух дорог – темной и светлой. Можно идти дальше вместе с Эллой по той ровной дороге, которую я уже начала мостить, когда получила диплом. А можно свернуть туда, где тернии. София уже ждала меня там, в темноте, среди колючих кустов.

– Алиса... – сказала она и протянула руку.

«Будь уверена».

Я протянула руку в ответ.

6

Как только мы захмелели от того зелья, что дал нам Робин, Бруклин превратился в плавающий остров, фантастический пейзаж в зеленых тонах. Мы шагали мимо сонных зданий из бурого песчаника под шелестящими кронами старых деревьев. Я провела рукой по растрескавшейся коре платана – по кончикам пальцев пробежали искры, и мне сразу вспомнился тот мир, где у деревьев были лица, где они спали и видели сны, такие же медленные и тягучие, как сок в их стволах.

Навстречу нам попалась компания мужчин, отхлебывающих что-то на ходу из коричневых бумажных пакетов. Они были коренастыми, с холодными наглыми глазами, а увидев нас, тут же самодовольно надулись, и походка у них стала развязной. Правда, только до тех пор, пока они не подошли ближе, не разглядели нас как следует и не съежились на глазах. Теперь у меня наконец было ощущение, что я и снаружи та же, что внутри. Кровь, быстрая и горячая, бурлила под самой кожей. Я чувствовала себя такой живой, что наверняка должна была притягивать к себе смерть, как магнит.

Затем мне в лицо взглянул холодный глаз луны, и я вспомнила, что Хансе тоже было холодно. Мысли о ней, об Абигейл, о принце едва не вырвали меня из хмельного забытья. Где же они теперь, эти мертвые жители Сопределья? Исчезли навсегда? Или вернулись в сказочную реальность и теперь блуждают, изувеченные, в каком-то потустороннем мире?

Тот мужчина из моей сказки обитал теперь в жалком домишке, торчащем на заваленном мусором пустыре, на задворках промышленного района. Мы прошли мимо распахнутых дверей огромных зданий фабричного вида, мимо мужчин в Carhartt¹ – не то они работали до поздней ночи, не то уже вышли на работу с утра. К тому времени, как мы добрались до места, я была уже вся как чайник, готовый вот-вот закипеть. Как затаенный вздох, как пенная волна. Хотелось уже выдохнуть, обрушиться с ревом на берег, сделать что-то отчаянно безрассудное. София – та и вовсе была похожа на маньяка, и глаза у нее сверкали как долларовые монеты.

– Давай позвоним в дверь, – беспечно сказала она. – Или высадим это стекло камнем к чертям собачьим!

От такой напарницы можно было ожидать чего угодно.

– Ш-ш-ш, – прошипела я, наблюдая за окнами. Мой враг жил в полуподвале, и сквозь закрытые жалюзи на окнах проблескивал синий свет телеэкрана. Дом стоял на отшибе, и было совсем нетрудно обойти его с тыла, перелезть через покосившийся щепастый забор и спрыгнуть в колючие заросли на заднем дворе.

План действий мы не обсуждали. Иначе пришлось бы признать, что это все происходит на самом деле – что я и правда крадусь, затаив дыхание, в темноте и запахе металла и го-

¹ Известная американская компания – производитель одежды. (Здесь и далее – прим. ред.)

това вот-вот сделать то, что не хотелось называть словами. Впрочем, я ведь и не знала точно, что именно мы собирались делать.

Проще было молча войти на незапертую веранду. Найти неплотно закрытое окно. Поддеть его пальцами снизу, вздрогнуть от резкого скрипа, а затем потянуть, чтобы образовалась щель, в которую смогут протиснуться две девушки.

Я влезла первой. От прилива адреналина я почти ничего не видела: в глазах то и дело вспыхивали и распускались цветами тревожные лампочки. В комнате было темно и откуда-то потягивало воню, будто из кроличьего садка. Этот запах слегка пригасил мерцающие огоньки у меня в голове.

Вначале я увидела кровать, застеленную одеялами. Потом шаткую стопку журналов у стены – сиськи, губки, горячие штучки. Как будто его занесло сюда из другого времени, где еще не знают, что порно можно смотреть в интернете. Все здесь было низким, приземистым: и кровать, и журналы, и ворох грязной одежды. И тут же, выхваченная случайным лучом законного фонаря, алая змейка – резинка для волос. Точно такие же у Эллы вечно валялись по всему дому и еще по горсти в каждой сумочке.

На плечо мне легла чья-то рука, и меня словно молнией прошило, но это оказалась всего лишь София. Она кивнула в сторону двери. Дверь была слегка приоткрыта. Сквозь стук сердца, колотившегося будто под водой, до меня донеслась мелодия заставки какой-то телеигры. Мы осторожно прокра-

лись через всю комнату. Короткий коридор шел мимо открытой двери грязной ванной и какой-то кладовки – должно быть бельевого шкафа а дальше вел в темную кухню.

Затылок моего врага оказался прямо перед нами, на линии прицела. Голова слегка покачивалась, будто под неслышную нам музыку. При виде его у меня что-то сдвинулось в голове. Сознание словно отделилось от тела. Я зависла у себя же над головой и смотрела сверху, как девушка с разломаченными волосами решительной походкой идет по коридору. Мне даже почти захотелось остановить ее, но было поздно. Я увидела, как замер мужчина, заслышав ее шаги, как он повернулся и лицо у него застыло от удивления. А потом, когда он увидел, кто пришел за ним, выражение его лица изменилось, стало жутким.

Тут я мгновенно вернулась в свое тело. Я стояла перед своим врагом лицом к лицу – впервые с тех пор, как покинула Сопределье.

– Привет, сволочь, – сказала я. – Помнишь меня?

– А, это ты. – В голосе у него не было удивления. Скорее даже удовольствие. – Невестушка моя.

– Я никогда не была твоей невестой.

– Но вот же, пришла. Вернулась, чтобы закончить нашу историю как надо? – Он усмехнулся, скользнул взглядом по моему лицу, все еще не понимая, что происходит. – Ну, свадьбу, я думаю, можно пропустить.

Теперь, когда он был совсем рядом, все стало иначе. Во

мне больше не было ни дерзости, ни отваги – было что-то совсем другое. Я еще раз прокрутила в голове то, что он говорил на собрании, и теперь, в воспоминании, это звучало еще омерзительнее. Я вновь почувствовала его губы на своих губах, его руки на своем теле. И слова выплеснулись из меня, словно вода из колодца, который я считала уже пересохшим.

– Посмотри на меня, – сказала я ему. – Посмотри на свою погибель.

Глаза у него недоверчиво округлились, и он рассмеялся. Из кухни за его спиной неслышно шагнула в комнату София.

– Приди в себя! – сказал он. – Думаешь, ты все еще в сказке живешь?

Я приподнялась на цыпочки – легкая, как воздух, плотная, как свинец.

– А ты все думаешь, что живешь в мире, где девушки будут покорно ложиться и подставлять тебе горло?

Он взвился с дивана с быстротой, неожиданной для такого грузного мужчины, схватил меня за волосы и запрокинул мне голову назад.

У него был расплющенный, плоский нос и кожа как терка. Глаза были посажены слегка несимметрично, и от этого казалось, что они смотрят ненавидящим взглядом с двух разных лиц. Его лицо можно было читать как книгу о средневековых зверствах, а изо рта воняло вареным мясом и нечищеными зубами.

– Вот теперь все по-старому, – сказал он.

– Вот именно.

Я бросилась на него, вцепилась в губу зубами и рванула.

Губа треснула как ткань, как мякоть плода, как воздушный шарик. Он вскрикнул, но не выпустил меня.

– Ах ты, сука, – прошипел он сквозь смех. – Нет уж, милая, тут тебе победы не видать. Теперь тебя и Пряха не спасет. Ох, как же я рад, что ты меня разыскала.

Кровь у него была густой и сладкой, как кукурузный сироп, – это должно было вызвать отвращение. Но ее запах ударил мне в голову, смешавшись с выпитым зельем. У меня все поплыло перед глазами, я вдруг почувствовала голод, и стало очень, очень холодно. От холода даже глаза резало, а кровь бурлила так, что я сама не понимала, от ярости это или от восторга.

– Что такое? – проговорил он, глядя куда-то поверх моей головы. – У нас что, вечеринка намечается?

У Софии в руке был мясницкий нож. Я догадалась, что она нашла его на кухне. Лицо ее ничего не выражало. Она попробовала острие ножа кончиком пальца.

Он стиснул меня крепче.

– А, ты и подружку с собой привела? Может, и мне какого-нибудь приятеля позвать? – И он перевел взгляд на меня, не переставая смеяться.

И тут вдруг лицо у него окаменело, ухмылка пропала, и он отшвырнул меня так, что я врезалась спиной в стену.

– Это еще что? – Он стоял с поднятыми руками, и голос у

него дрожал. – Ты не говорила, что и сейчас так можешь!

Я шагнула ближе. Стремительным движением. Время осыпалось стружками, словно под невидимым резцом, и я просто смахивала на пол все лишнее.

София взглянула на меня, и у нее отвисла челюсть.

– Алиса, – выдохнула она. – Твои глаза!

Мой враг переводил взгляд то на Софию с ее ножом, то на меня с пустыми руками. Вот так мне и хотелось закончить нашу сказку.

– На меня смотри, – сказала я. Голос шел словно из гулкой морской пещеры и был совсем не похожим на мой. – Забудь про нее. Про все забудь, кроме меня. А теперь ложись и подставляй горло.

Я моргнула.

Закрyla глаза, и по опущенным векам пробежали лучи. Лунный свет, и свет фонарей, и четкие очертания рассыпанных по небу звезд исчезли, когда из-за горизонта выглянуло солнце. С тихим жужжанием мигали уличные фонари, све-

тились белые фары автомобилей и желтая вывеска метро. Я еще что-то помнила и пыталась удержать в голове, но это было все равно что пытаться ухватить луч фонарика. Еще мгновение – и все исчезло.

Я открыла глаза. В окно моей спальни глядело раннее утро. Кошмар напоследок сверкнул молнией и тут же убрался в свое укрытие. С минуту в голове было пусто, как в нежилой комнате. А затем в нее хлынули события прошедшей ночи.

Выпивка у Робина. Поход в Ред-Хук. Проникновение в дом через окно. Квартирка, вызывающая клаустрофобию, сладкий и жуткий треск разорванной губы. Его презрительный взгляд, сменившийся испуганным, и то, как смотрела на меня София. «Алиса! Твои глаза!»

На меня давила какая-то тяжесть, так что трудно было дышать. Я думала, что это от ужаса, пока пальцы не скользнули по шее.

Горло сжимало что-то твердое и теплое – слишком туго, не разглядеть. Я выпуталась из простыней, скатилась с кровати и выскочила в коридор. В зеркале ванной отразились мои глаза – две холодные впадины. И уже поблекшие виноградные лозы, нарисованные черной подводкой.

А на шее у меня было красное рубиновое ожерелье.

Я укусила того мужчину из моей сказки. Может, и еще что-нибудь похуже сделала, но на этом месте в моих воспоминаниях зияла дыра – аккуратная, с четкими границами.

Вокруг губ остались ржавые пятна его крови. На языке – запах скотобойни. А там, куда кровь стекала ручьем с подбородка и где засохла зловещим кольцом, как раз и сверкали камни.

Они впились в шею, как клещи. Я стала яростно чесаться, протянула руку за спину и нащупала под волосами застёжку. Расстегнула. Ожерелье соскользнуло и обвилось вокруг моих рук, оставляя красные пятна на коже. Я бросила его в раковину и открыла кран. Камни кровоточили под струей воды, размывались и таяли, будто густая краска, и наконец от них не осталось ничего, кроме следов на моей коже – словно когтями провели.

Вначале мне показалось, что во мне закипают слезы, но это был смех. Тихий, густой, словно кофе у походного костра.

Это было волшебство, и отнюдь не доброе. Мир, который я хотела забыть, ночь, которую не могла вспомнить, и страшный подарок, который едва не удушил меня. Сопределье тянуло к себе, дышало мне в лицо, хватало пальцами за горло. Смех мой оборвался.

«Будь уверена», – сказала София.

«Я сказала, что не хочу видеть здесь ягнят». Это Дафна.
– Что же ты сделала? – спросила я девушку в зеркале.
Она глядела на меня. И скалила окровавленные зубы.

Я стянула с себя одежду и забралась под душ. Вода была

сначала чуть теплой, но постепенно стала приближаться к кипятку. Когда кожа наконец стала чистой, я растерла ее одним из тех колючих полотенец, которые Элла стащила в бассейне, – жестко, с силой, до боли. Виноградные лозы смылись. И кровь, и хмельной пот, и вся эта ночь.

– Все в порядке, – прошептала я. Зачесала волосы назад, намазала губы гигиенической помадой. Никакой подводки, чистое лицо. Свежая одежда, старые кроссовки. В животе екало, но я все же съела тост с вареньем, обильно запивая каждый кусок холодным чаем.

Пропущенных звонков от Софии не было. Я открыла браузер и задумалась на минуту. Быстрый поиск в новостях: «Ред-хук».

Я отложила телефон. Вся моя помада осталась на тосте, и я пошла в ванную, чтобы нанести ее снова. Глядя в зеркале на свои кроткие глаза, глаза «девицы в беде», я все водила и водила помадой по губам, пока они не сделались восковыми. А потом резко оторвала взгляд от зеркала, потому что...

Да никаких «потому что». Тут и думать особенно не о чем. Если слишком долго шаришь рукой в темноте – только себя и вини за то, что найдешь. В груди было странное ощущение – непроходящая саднящая боль, как при астме, и я никак не могла от нее избавиться. Надо бы прогуляться, это поможет. Было совсем рано, Элла в такое время спит. До работы еще несколько часов.

Я снова проверила телефон. Ни одного сообщения. Бро-

сила взгляд на закрытую дверь Эллы. Набирала и стирала, набирала и стирала.

«Пошла за кофе, – написала я наконец. – Хорошего дня».

Поток прохожих с кофейными стаканчиками, телефонами и портфелями в руках огибал меня, как вода огибает риф. Какой-то терьер шарахнулся из-под ног, рыча сквозь зубы. Его владелец поднял голову, чтобы извиниться, но ничего не сказал, только крепко стиснул зубы и быстро зашагал прочь.

Какое-то время я шла, не видя куда. По коже словно пробегали электрические разряды. При моем приближении мужчины, игравшие в домино под навесами, настороженно поднимали глаза, а старушка, толкавшая перед собой тележку с покупками, свернула в канаву, чтобы со мной не столкнуться. Когда на весь квартал взвыли сирены, у меня разом вспотели руки и пересохло во рту.

Две полицейские машины, с ревом выскочив из-за угла, пролетели мимо.

Только когда они скрылись, я снова смогла вздохнуть.

Боль в груди поднялась выше и сдавила горло. Когда я поняла, что больше не могу идти, потому что меня вот-вот вырвет, я в изнеможении опустилась на крыльцо и стала набирать сообщение Софии. Пальцы у меня дрожали.

«Что было ночью?»

Ответ пришел почти мгновенно.

«А ты что, не помнишь?»

Я ждала продолжения. Ждала, ждала, ждала, и непроли-

тые слезы мерцали радугой перед глазами.

«Ничего страшного, – ответила она наконец. – Правда. Поговорим позже».

Звуки города разом обрушились на меня. Птичье пение, утренний шум машин, беспричинно-радостный крик детей – отчего бы не покричать, раз легкие есть. Я сама готова была так же завопить. С полминуты мир был ярким и солнечным, и солнечный луч на лице казался благословением. А затем в голове снова всплыла зловещая арифметика.

Три убийства. Две руки. Одна нога.

Под бодро сияющим солнцем в семь утра я вдруг почувствовала свою незащищенность. Представила, как, должно быть, выгляжу сзади: спутанная грива отросших волос, птичьи косточки... Все такое ломкое или мягкое – ничего не стоит разрезать ножом. Я вся дрожала – от прилива адреналина, от облегчения, от страха, и домой идти не хотелось. Но и здесь я оставаться не могла – нервы были слишком взвинчены. И я подумала: есть одно местечко, где можно отсидеться.

Несколько месяцев назад, когда мы только вернулись в Нью-Йорк, я решила совершить паломничество в кафе, где работала до отъезда. Но оказалось, что кафе больше нет: на его месте появился магазин детской обуви. Еще один осколок моей прошлой жизни унесло водоворотом большого города. Какое-то время я проработала в супермаркете, но это

было не по мне.

Новую работу помог найти случай – или удача, или судьба. Прошлой зимой, блуждая вечером без цели, я укрылась от метели в книжном магазине на Салливан-стрит – узком, как коридор, освещенном старыми лампочками, придававшими всему вокруг оттенок кофе с молоком. У парня за прилавком была шкиперская борода и маленькие очки в тонкой оправе, и он что-то кричал в старенький телефон-раскладушку.

Я делала вид, что разглядываю книги, а сама слушала, как он распекает какого-то парня по имени Алан.

– Дело не в качестве, Алан, – повторял он. – А в том, что слово надо держать.

Я сняла с полки старый том в твердом переплете, с чайно-коричневыми страницами и обложкой цветов геральдического флага. «Создания земли и воздуха. Справочник» и стала аккуратно перелистывать. Тем временем парень за прилавком перешел на саркастичный тон:

– Нет уж, ради бога, не приходи больше, не трать свое драгоценное время. Прожигать денежки из трастового фонда – тоже работа, считай, на полную ставку.

Я старалась не рассмеяться, и тут книга у меня в руках открылась на странице с закладкой.

Я затаила дыхание. У меня всегда было особое отношение к находкам, встречающимся между книжных страниц. Правда, в этот раз это была всего лишь игральная карта. Пиковый валет, на обороте – классическая красная рубашка с

девицей. Я вертела карту в руках, не замечая, что продавец уже повесил трубку, пока не увидела, что он стоит рядом со мной.

– В книге нашли? – спросил он и взял у меня из рук карту.

– Вот в этой. – Я показала ему «Создания».

– Хм... – Он склонился над картой и снова хмыкнул, на этот раз торжествуя. – Ага. Смотрите-ка.

Я вгляделась. Девица в центре держала букет, по углам сидели четыре русалки.

– Вот эта. – Он указал на русалку в левом верхнем углу. Все остальные тянули руки к цветам, а эта – к прялке. Изображение было стилизованным, но узнаваемым. Но если специально не присматриваться, то и не заметишь.

– Что это значит?

Ему, кажется, польстило мое любопытство.

– Это значит, что она из меченой колоды.

– Как это? Шулер пометил?

– Или волшебник. Правда, метка странная – ни на масть намека нет, ни на значение. Знаете, в книгах каких только диковин не найдешь.

Я подошла за ним к прилавку. Он достал коробку из-под сигар и сунул карту туда.

– А каких? Что еще вы находили в книгах?

– Ну... – Он огляделся вокруг, будто опасался, что у стен могут быть уши, и снова открыл сигарную коробку, повернув ее так, чтобы мне не видно было содержимое. – Вот такие

штуки, например.

Он показал мне засушенный синий цветок размером с мой кулак – тычинки у него торчали в разные стороны фейерверком. Бумажку из печенья с предсказанием: «Горе тебе». Аккуратно вырезанную страницу объявлений о знакомстве из газеты «Ист-виллидж хроникер» от 1 сентября 1970 года.

– Любопытно, правда?

Это было и в самом деле любопытно. Мне нравилось думать о том, что в книгах можно найти разные безобидные диковинки. Это напоминало, что в мире есть и такие тайны, которые не угрожают переписать заново всю историю твоей жизни.

– Однажды я нашла фотографию в одной старой книге, – сказал я, глядя ему в лицо в ожидании реакции. – В сборнике сказок. Но самое странное, что это была моя фотография.

– Обалдеть, – сказал продавец, и глаза у него восхищенно загорелись. Ему, кажется, даже не пришло в голову, что я могла соврать. Я-то не врала, но ведь могла бы.

– А вам тут работники не нужны? – спросила я.

Продавец провел ладонью по бородке, и по этому жесту было заметно, как он ею гордится.

– Да, можно сказать, нужны. Если вас устроит нерегулярный график, пожалуй, сговоримся.

Вот так я и начала работать в маленьком букинистическом и антикварном магазинчике. График там и впрямь был нере-

гулярным. Парня с бородой звали Эдгар, он был владельцем магазина, и он никогда не выдавал мне расписания рабочих часов больше чем на неделю вперед. Смены длились от двух часов до десяти, а иногда я приходила к дверям закрытого магазина. Выручку все равно делали те, кто заказывал редкие книги по почте, а не студенты, заглядывающие по пути из любопытства и уходящие с подержанным изданием гинзберговского «Вопля» ценой в пять долларов.

Жгучая жара еще усилилась после вчерашнего ливня, и к тому времени, как я зашла в магазин, вся футболка на мне была мокрой от пота. До открытия оставалась еще пара часов, но, на мое счастье, Эдгар очень плохо разбирался в людях, и поэтому у меня были свои ключи.

Сердце перестало колотиться, как только я вдохнула запах кофе, бумаги и нагретой солнцем пыли. Как и все стоящие книжные магазины, магазинчик Эдгара был карманной вселенной, где время ползло медленно, словно облака по небу. Обычно в рабочее время я или читала, или слушала, как Эдгар перебирает свои многочисленные обиды на мироздание, или пила кофе в фантастической тишине, пока пальцы не начинали дергаться от кофеина.

С самого начала у нас с Эдгаром было соревнование: кто отыщет в старой книге самую диковинную штуку. С тех пор как я в первый же день обнаружила меченую карту, коллекция моих находок пополнилась официальным письмом о разрыве помолвки, полоской кадров из фотобудки, изобра-

жавших мужчину в обнимку с ананасом, и визитной карточкой «духовной свахи» из Южной Флориды (я даже позвонила ей, но оказалось, что номер больше не обслуживается). Но пока что победа оставалась за Эдгаром: ему недавно попался шиньон, сплюснутый между страницами «Памелы».

Однако сегодня мне было суждено выиграть это соревнование с гигантским отрывом, хоть Эдгар об этом так и не узнал.

Я обошла весь магазин, оглядывая проходы между полками, а в голове все крутились рубины и кровь. Подключила телефон к громкоговорителю и поставила на повтор Pink Moon. Слушая одну и ту же песню раз за разом, я все теребила свою память, будто гнилой зуб, – пыталась вытянуть из нее пропавшие события прошлой ночи. Через пару часов Эдгар открыл дверь, сделал несколько шагов, прежде чем увидел меня, и вскрикнул от неожиданности.

– Это еще что за фокусы? – рявкнул он, выдергивая из ушей наушники. – Ты что, поселиться здесь решила?

– Извини, – пробормотала я. К счастью, Эдгар не стал больше задавать никаких вопросов.

До десяти утра мы в дружеском молчании жевали соленую лакрицу из одного пакета, и я даже стала чувствовать себя почти нормально. К одиннадцати в магазин хлынули посетители, и с каждым треньканьем колокольчика нервы у меня натягивались все сильнее. Казалось очень странным, что в одном городе, в одной жизни может совмещаться вот это

все. Поток посетителей с объемистыми сумками – и ночь в Ред-Хук, окрашенная хмельным зельем и кровью.

И три мертвых бывших персонажа с отрезанными частями тела.

Наконец, во время короткого затишья, я подошла к двери, повернула табличку в положение «Закррито» и щелкнула замком.

Только на часок, мысленно оправдывалась я. Потом пойду куплю Эдгару кофе в качестве компенсации. Он все равно так зачитался, что ничего вокруг не замечал.

Почему-то в проходе между секциями английской литературы и мифов народов мира ковер был самым мягким, поэтому я устроилась там и сняла с полки «Доводы рассудка». Вот уже неделю я читала эту книгу каждую смену и теперь нырнула в нее, как в прохладную воду: мой воспаленный мозг нашел убежище в уютном мирке Джейн Остин. Сначала я скользила по строчкам рассеянно, но вскоре зачиталась, особенно когда добралась до самого классного момента – того, где капитан Уэнтуорт пишет Энн письмо.

«Я не могу долее слушать Вас в молчании...» Я читала это уже сто раз, иногда вслух Элле в дороге. «Я должен Вам отвечать доступными мне средствами».

Я пробежала глазами предыдущие страницы. Вот Энн беседует с Харвиллом, а Уэнтуорт стоит, окаменев, в другом конце комнаты. Вот он что-то нацарапал на листе бумаги, выбежал из комнаты и тут же вернулся, чтобы вложить пись-

мо в руку Энн. Я проглотила остатки кофе – вместе с гущей и неразошедшимся сахаром. Вот Энн открыла письмо и начала читать...

«Я совсем потерян и оттого делаю глупости. Может быть, ты никогда этого не прочитаешь...»

Я резко выпрямилась. Перечитала снова. В романе Джейн Остин не было таких слов! Но вот же они, отпечатанные бледным черным шрифтом на странице, от которой тянет клеем и запахами старого дома.

«Я совсем потерян и оттого делаю глупости. Может быть, ты никогда этого не прочитаешь. Но если это письмо дойдет до тебя, значит, волшебство подействовало.»

А если волшебство действует, значит, мы когда-нибудь встретимся снова. Думаю, что встретимся. Думаю, должны встретиться. То есть я уже не знаю, что и думать.

Ты простила меня за то, что я не вернулся? Думаешь иногда о том, как я тут блуждаю среди звезд? Иногда твое лицо встает передо мной так ясно и так внезапно, что этому должно быть одно-единственное объяснение: ты тоже вспоминаешь обо мне в эту минуту. Но, может быть, я просто обманываю себя. Может быть, ты никогда этого не прочитаешь. А если и прочитаешь – может быть, не решишься поверить в невероятное.

Но это вряд ли – ведь ты и сама невероятная. С тех пор, как ты ушла, я чувствую себя потерянным. Но теперь думаю, что скоро найду дорогу назад. Мы ведь еще встретимся.

ся с тобой? В какие-то дни мне кажется, что да, а в какие-то – нет. Ты ведь никогда этого не прочитаешь, правда? Я это уже три раза повторил, значит, наверное, правда. Не знаю, как закончить. Как? Может быть, просто обрвать...»

Подписи не было. Конец письма, Энн сходит с ума от счастья... Непослушными пальцами я стала листать дальше. Уэнтуорт получает свою девушку, она получает своего капитана. Перелистала обратно, к началу – мерзкая Мэри Масгроув, несчастный капитан Бенвик, сумасбродная Луиза... Все знакомое, ничего не изменилось, кроме письма.

Все мои тревожные мысли смыло волной изумления. Мир вдруг сделался и больше, и меньше одновременно: сжался до размеров книжной страницы и раздвинулся далеко за преде-

лы возможного.

Откуда у нас взялась эта книга? Она была старой, хоть и в идеальном состоянии, и письмо – подменное, вставленное вместо письма капитана Уэнтуорта, – напечатано тем же шрифтом, что и весь остальной текст. Страница плотно сидела в переплете. Можно бы спросить Эдгара, но тогда он может что-то заподозрить: у него нюх на такие штуки как у Спайди, за что он мне и нравится. И все-таки мне кружило голову глупое пьянящее чувство: я знала, кто это писал. Знала, что письмо предназначалось мне.

Я попыталась прикинуть, насколько правдоподобна эта догадка, если мыслить трезво. Может быть, хотя и крайне маловероятно, что это просто ошибка наборщика. Или чья-то давняя шутка. Или недавняя шутка, очень ловко разыгранная. А может быть – может быть? – письмо все-таки адресовано мне.

Я ведь когда-то и не такие странные вещи в книгах находила.

Кто-то заколотил в дверь. Пол скрипнул: Эдгар пошел открывать.

– Что это за... постой-ка. Алиса, это ты заперла дверь?

Я присела между полками и слышала, как он впустил покупателя. Пока он меня не нашел, я сунула Остин под футболку, за пояс обрезанных джинсов.

– Я тебе кофе куплю! – пообещала я, распрямляясь.

– Вот как! – Эдгар картинно приложил руку к сердцу. За

спиной у него торчал какой-то тип студенческого вида и разглядывал заваленный книгами стол. – Ты заперла дверь и спряталась? Зачем, Алиса?

– Мне нужно еще кофе. Я и тебе принесу. Буду через десять минут, ладно? – Я почти не слышала сама себя. Мне нужно было уйти.

Жара, шум и беспощадно-яркое солнце после тихого магазина просто оглушали. Время приближалось к пяти, и везде был он.

Вон он, на углу – склонился над ведром с цветами у ларька и тянет оттуда букетик ромашек. И вон тот, в прилипшей к спине футболке, что запрыгивает в кузов грузовика. И этот, с наушниками за ушами, с сине-белым бумажным стаканчиком в руке, что скользнул по мне взглядом, проходя мимо. Каждый из них на какой-то миг оказывался Эллери Финчем.

Воздух казался разреженным, солнце висело над самой головой, тротуар пружинил под кедами, будто резиновый. Парень за прилавком кофейни был тоже он. Я долго таращилась на него, а он на меня, пока я не одернула себя и не заказала что-то холодное. И кофе без кофеина. У меня и так в крови уже бурлило.

Тот мальчик. Тот, кто спас меня, а потом оставил. Я запомнила его таким – и мягким, и твердым, и ярким. С глазами цвета колы и улыбкой, в которой скрывались тайны – и светлые, и темные.

«Ты и сама невероятная».

Не помню, как шла обратно в магазин, но как-то я там оказалась. Когда я вошла, парочка моих ровесников шарила по полкам, а Эдгар выжидательно смотрел на меня.

– Ой! – Я зажала рот рукой. – Забыла твой кофе. Хочешь, я?.. – Я кивнула на дверь.

Он закатил глаза.

– Забудь. Просто... иди поговори с клиентом.

Я запихала сумку с лежащей на дне книжкой Остин под прилавок и подошла к парочке, но ограничилась лишь самыми сжатыми пояснениями. Впрочем, они все равно ушли с покупками, и Эдгар остался доволен.

Он ушел почти сразу вслед за ними, а я осталась в магазине до закрытия. Перечитала письмо раз десять – сначала медленно, потом быстро. Вернулась к началу главы, пытаюсь заново пережить то чувство, с каким увидела его впервые. Снова перечитала – целиком и по частям. Письмо оставалось все тем же, не сменялось словами Остин, и каждый раз у меня от него огонь пробегал по жилам.

До девяти я так и ходила кругами по магазину. Все вечерашние страхи и ужасы рассеялись, как туман. Мир казался необъятным, все его краски засияли еще ярче. Ужасно хотелось взмыть высоко в небо, или бродить по широким тротуарам, или бежать куда-то вдаль долго-долго, пока дыхания хватит. Наконец пришло время закрываться. Я пересчитала кассу, заперла за собой дверь и направилась к поезду.

«Доводы рассудка» торчали у меня под мышкой как та-

лиман. Но по мере того, как я удалялась от магазина, уверенность стала меня покидать. Липкая тревога вновь навалилась на плечи, словно весь день только и ждала, когда я останусь одна. Мне хотелось уверенности. Хотелось знать точно. Поэтому, спустившись в метро, я не села в поезд на Бруклин. Я поехала в противоположную сторону – к нему.

Поезд был битком набит подростками в дорогой обуви, слишком самоуверенными с виду. Лица у них так светились, что хотелось надеть темные очки. Когда-то я чувствовала себя моложе их, теперь – старше, а вот ровесницей им никогда не была. Я и сама не знала, сколько мне лет. Я втиснулась на сиденье между парнем, с важным видом читавшим потрепанный томик «Сиддхартхи», и женщиной, по виду религиозной, склонившейся над ребенком. Огоньки метро бегали зелеными зайчиками по ее гладким темным волосам. На Восемьдесят шестой я вышла и оказалась в своей прежней жизни, в Верхнем Ист-Сайде.

Мы жили здесь, когда Элла вышла замуж, и я ненадолго попала в частную школу. Теперь я опасась, как бы не встретить здесь кого-нибудь из своего прошлого, но в толпе женщин в летних платьях, мужчин в костюмах и туристов с дикими прическами, еще мокрыми после душа, знакомых лиц не было. Летнее солнце долго не желало сдавать позиций, но теперь наконец ушло. Я направилась напрямик к Центральному парку, обошла кругом и оказалась перед домом, где он когда-то жил – прямо через дорогу.

Давно я уже не бывала здесь. Раньше я всегда старалась сделаться как можно незаметнее, но теперь уже не думала об этом. Я ведь так изменилась. Выросла на целый дюйм, и волосы у меня теперь темнее и острижены выше плеч.

Здание выглядело так же, как всегда: внушительное и неприступное. Ничто не напоминало о том, что здесь когда-то жил этот мальчик, со своими книгами и мечтами, с беспокойным сердцем, а теперь он так далеко, что никакие деньги не помогут его разыскать и никакая тоска не вернет.

Что бы подумал обо мне сейчас Финч? Он ведь стольким пожертвовал, чтобы спасти меня от моего внутреннего чудовища. Что бы он подумал, если бы увидел, как я пытаюсь стать чудовищем снова? Я сама не знала, чего ждала, когда шла сюда, но теперь чувствовала какую-то опустошенность – словно позвонила на уже несуществующий номер. Никакого тайного знания мне не открылось, никакой последней главы. На краткий миг я наконец-то ощутила уверенность – в нем. Но теперь, когда я стояла и смотрела на равнодушный фасад, от этой уверенности не осталось и следа. Он далеко. Его больше нет. Письмо в книге – это всего лишь буквы на странице.

И те трое из Сопредельных земель мертвы.

А я утром счищала кровь с зубов.

Было уже поздно, к тому же у меня были и другие, еще более веские причины спешить домой, но парк лежал передо мной лоскутным одеялом из светлых и темных кусочков

и манил к себе, тем более что у меня было так паршиво на сердце. Здесь мы с Финчем как-то гуляли вместе. Точнее, бежали. От страшной сказки, развернувшейся прямо на тротуаре, от первой мимолетной встречи с Сопредельем. Я тогда еще не понимала, что бегу от самой себя.

Теперь я шла по дорожкам парка одна, вдыхая сладкий, отравленный городской воздух. Какое-то время брела вдоль воды, а потом свернула к лужайке. Парочки целовались на скамейках или тыкали пальцами в телефоны. Какая-то маленькая девочка, слишком маленькая, чтобы гулять одной, внимательно смотрела на меня с вымощенной камнями набережной. Когда мимо проносились бегуны, я машинально оборачивалась: посмотреть, кто за ними гонится.

Откуда-то долетала музыка. Серебристая, как звон бокалов с шампанским, она плыла по воздуху вместе с легким ветерком. Я долго шла за ней, ожидая, что вот-вот увижу ночную свадьбу, освещенный танцпол. Но я так и не поняла, откуда же она звучит.

Было так поздно, что уже скорее рано, парк давным-давно закрылся. Я чувствовала тяжесть во всем теле – на меня сегодня навалилось столько всего, что непонятно, где только помещалось. И горе грызло потихоньку, и страх, хоть я и отгоняла его, и вопрос, к которому я вновь и вновь возвращалась в мыслях: что же я все-таки сделала прошлой ночью? Что именно София называет «ничего страшного»? Я пыталась отмахнуться от всего разом, но чувствовала, что вот-

вот сорвусь, и мне хотелось оказаться дома раньше, чем это случится.

Я вернулась к метро. Было уже поздно, поезда до Бруклина пришлось ждать целую вечность. Когда же он наконец пошел, вагон был почти пуст. Только несколько запоздалых пассажиров сидели в разных концах: подросток, слушавший хип-хоп в телефоне, мужчина в одежде парамедика и женщина со старомодной детской коляской – она дремала, приклонившись головой к окну. Коляска была розовой, с кружевной отделкой, и такой большой, что непонятно, как ее удалось втащить в метро. Внутри виднелось тканое одеяльце, но ребенка я разглядеть не могла.

В свете ламп у всех был какой-то изможденный вид. Я закрыла глаза и стала вслушиваться в едва уловимый ритм хип-хопа в телефоне. Парень в форме парамедика наблюдал за мной – я была уверена в этом, но всякий раз, когда я поднимала на него глаза, он успевал отвернуться. В воздухе смутно пахло травой и жареной картошкой.

Мы медленно катили от станции к станции, и тут из коляски донесся какой-то звук. Не то кряхтение, не то похныкивание.

Я снова взглянула на мать. Ей было чуть за двадцать, ее веки, покрытые тенями, казались заиндедевевшими. Руки она держала в карманах худи, а рядом с ней на сиденье валялась раскрытая сумочка, из которой что-то уже успело высыпаться. Ничто не выдавало в этой женщине обительницу Со-

пределья, но... Но. Поезд шел медленно – так медленно и плавно, что это было похоже на падение. Звук повторился. Двойное «кхе-кхе», а затем «а-а-а».

Мы ехали глубоко под землей, и я вдруг почувствовала тяжесть мостовых, почвы и всего города над нами. Я встала. Парень в одежде парамедика снова посмотрел на меня – на этот раз я его застучала. Мать младенца все еще спала, поставив одну ногу на переднее колесо коляски.

Я подошла ближе, делая вид, что хочу разглядеть карту у нее над головой. Пока я подбиралась к коляске, в мозгу всплывали жуткие картинки: волосы, зубы, кости, кровь, но все это улетучилось, как только я заглянула внутрь.

В коляске лежала завернутая в одеяло малышка и смешно посапывала, как котенок. Совсем маленькая, еще похожая на непропеченную булочку, а лицо такое нежное и таинственное – словно нечаянная находка внутри морской раковины. Я шумно выдохнула и попятилась, но тут проснулась мать ребенка. Заморгала так, словно я прокралась к ней в спальню и стою над кроватью. Как будто кошмарный сон увидела.

– Извините, – сказала я.

Она открыла рот, чтобы ответить, и тут погас свет.

Полностью, на всем пути. Ни световых индикаторов, ни проблеска света в туннеле. Вагон остановился. Музыка тоже смолкла.

Темнота была тяжелее света. Тут же, почти разом, засветились три точки: телефонные фонарики, которые все рав-

но ничего не освещали. Горели ярко, но темноту развеять не могли.

– Эй! – Это тот мужчина в одежде парамедика. – Ни хрена не видно! Где свет-то?

Инстинкт удержал меня от того, чтобы тоже достать телефон. Он же велел мне отойти подальше от матери и ребенка. Я крадась в темноте к двери в дальнем конце вагона, ощупью находя путь – от одного поручня к другому. Мерзкий запах дешевой травки становился все сильнее, резче – им уже веяло как ветерком, которому тут неоткуда было взяться. Он легко, неслышно пролетел по запертому вагону и холодными пальцами тронул меня за лицо.

Позади меня, ближе к хвосту поезда, распахнулась дверь из другого вагона.

– Кондуктор? – спросил кто-то с надеждой.

Дверь захлопнулась. После этого тишина тянулась так долго, что мне начали мерещиться другие звуки: я слышала, как кто-то где-то скребется. Как кровь в ушах отстукивает трехмерный такт. Как за окном что-то бьется в сплошной черноте.

Тот, кто вошел в дверь, зашагал по вагону. В темноте громче обычного раздавался звук подошв, шаркающих по полу. Когда этот кто-то проходил мимо коляски, малышка пискнула – тоненько и отчаянно. Идущий остановился.

– Ш-ш-ш, – торопливо проговорила мать. – Ш-ш-ш, детка.

– Кто это там крадется? – спросил тот мальчишка, что слушал хип-хоп. Голос у него оказался высоким и более детским, чем я ожидала. – Эй ты, мудила, тебе говорю!

Кажется, он пытался отвлечь неизвестного от младенца. Но, когда снова послышались шаги, приближающиеся к нему, он резко втянул в себя воздух и умолк.

Шаги были размеренными, шаркающими, издевательски-неторопливыми. Незнакомец прошел мимо мальчика, мимо человека в одежде парамедика и направился ко мне.

Я была уже у двери в самом конце вагона, но защелка не поворачивалась. Малыш замолчал, вагон наполнился испуганным дыханием и шарканьем подошв. Мне тоже было страшно, но от этого страха во мне что-то изменилось: я сделалась холоднее, тверже, пальцы у меня сжались в кулаки, а в голове слышался какой-то ледяной белый шум.

Неизвестный остановился на расстоянии вытянутой руки. Запертая дверь была у меня за спиной, перед глазами в темноте дрожали фиолетовые и красные пятна. Он был так близко, что мы могли бы коснуться друг друга.

– Кто здесь? – спросила я.

Послышался вздох, а затем тихое пение:

*Мышка-мышь, спеши домой,
На задвижку дверь закрой
Да смотри, чтобы никто
Не прокрался за тобой.*

*Паучок, паучок,
Дверь закрой на крючок,
Тки да шей, не зевай,
Да смотри не опоздай!*

От этого шепота на меня пахнуло чем-то далеким, но знакомым. Это была детская песенка из Сопределья. Я сразу догадалась – мне словно по жилам провели наканифоленным смычком. Прибой Сопределья уже плескался у меня над головой. Холод поднимался внутри ледяной волной. И как только певец протянул ко мне руку, эта волна обрушилась на берег.

Руки у него были проворными, ловкими. Но я выскользнула – легко и бесшумно, как дым – и вмиг оказалась у него за спиной. И прыгнула на него сзади. Шарила руками по телу, пытаюсь нащупать открытую кожу. Но кругом был только жесткий хлопок и шерсть грубой вязки (на лицо у него было натянуто что-то вроде балаклавы), пока мои пальцы не скользнули в прорезь для рта.

Зубы у него были как остро заточенные жемчужины, а от дыхания веяло мертвящей пустотой. Я чувствовала, как мои глаза затягивает черная пелена, как рот наполняется льдом, но голова оставалась ясной. В этот раз я уже не забуду, как вдыхала затхлый воздух подземки, превращая его в лед. В смерть. Я перекаtywала лед во рту, как стеклянный шарик, пытаюсь развернуть врага к себе лицом. Тот беззвучно содрогнулся всем телом и щелкнул зубами. Я охнула и отдер-

нула руку, чувствуя, что на ней остались кровавые следы. Врезала ему коленом под дых, он согнулся пополам и забился у меня в руках, как рыба на суше. Бок прошило молнией, и я вскрикнула: это ногти незнакомца полоснули меня, будто стеклом.

В воздухе пахло сказкой, искрящимся светом, зеленью и кровью. Неизвестный дохнул пустотой мне в ухо с каким-то коротким всхрапом – я решила, что это он так смеется. Я рванула его за рубашку, повалила и поставила локоть на замотанное тканью горло. Нависла над ним с полным ртом льда, и он наконец затих.

Я потянулась к нему, чтобы прижаться губами к его губам. Стоило мне коснуться его, как воздух затрещал от электрических разрядов. Я отпрянула, и за этот короткий миг он успел рвануться ко мне и укусить.

Он ухватил зубами кончик моего подбородка и прокусил кожу насквозь. Я почувствовала тепло и только потом – боль. Отлетела назад, схватившись за лицо, и ударилась головой о пустое сиденье.

Воздух замер. В нем больше не пахло волшебством – обычный спертый воздух, только с примесью крови. Незнакомец поднялся, и я напряглась в ожидании. Но он, должно быть, решил, что со мной лучше не связываться. Шагнул к соседней двери, распахнул ее с механическим лязгом и соскочил на рельсы. Я услышала стук дерева о металл. Дверь, вздрогнув, закрылась снова, и он исчез.

Несколько томительных секунд. Затем снова зажглись лампы, и в их молочно-желтом свете стало видно, что произошло со мной. Держась за голову и зажимая подбородок подолом футболки, я встала.

Остальные пассажиры смотрели, открыв рты. На мои руки, побелевшие до самых локтей, на мои глаза – наверняка черные, как далекий космос. Кровь капала с прокушенной руки, прокушенного лица и изодранного бока. Парень в одежде парамедика уперся взглядом в свой телефон, украдкой наводя на меня камеру. Он так и застыл, когда я шагнула к нему, выбила телефон из рук, дважды ударила ногой по экрану и пинком отшвырнула в другой конец вагона.

– Ты кто? – с благоговейным восторгом в голосе спросил мальчишка. – Суперзлодейка, да?

Адреналин и лед схлынули. Скоро меня затрясет, и ноги перестанут держать.

– Да, – сказала я. – Суперзлодейка. А теперь давай-ка сюда телефон. Положи на пол и толкни ко мне. И вы тоже, – обратилась я к матери с младенцем. – И еще мне нужна ваша худи.

С каменным лицом она сняла кофту и бросила к моим ногам вслед за телефоном. Я натянула ее через голову и потерла саднящий бок. Кровь снова засочилась за пояс джинсов, когда я нагнулась за телефонами.

– Темные очки. У кого-нибудь есть темные очки? – Я щелкнула пальцами. – Может, хотите, чтобы я сама поиска-

ла?

Мальчишка достал очки из кармана и бросил мне. Вздрогнул, когда они ударились мне в грудь.

– Извините. Вот, возьмите.

Я поймала очки, нацепила их на нос, втянула одну руку в рукав худи, а другой снова зажала кровоточащий подбородок. Сиденье ударило под колени, и я рухнула на него, чувствуя, как меня начинает бить дрожь, – я отходила от нервного потрясения, льда и волшебства. Но мысли были холодными и ясными, как морозные узоры.

Я едва не стала четвертой убитой обитательницей Сопредельных земель. Кто бы ни пытался убить меня – он тоже из Сопределья.

Хоть к кому-то в этом вагоне какой-то бог прислушался. Парень в одежде парамедика несколько минут молился про

себя, закрыв глаза, – и поезд снова тронулся. Мать малышки плакала, а сама она помалкивала. Когда мы остановились на следующей станции, все они смотрели глазами перепуганных кроликов, как я иду к выходу – с их телефонами в кармане чужой худи.

Хотелось обернуться в дверях и пугнуть их как-нибудь на прощание. Но во рту все еще стоял обжигающий привкус льда и смерти, все раны кровоточили разом, боль разливалась по телу, как струя холодного воздуха из кондиционера, и я не стала пользоваться моментом.

Стоя у самого края платформы, я пропустила три поезда. Они подлетали к станции, развевая мне волосы, и распахивали двери настежь, так что все вагоны просматривались. Я была почти уверена, что свет вот-вот погаснет, незнакомец вернется и затащит меня в темноте в свои сети, сплетенные из сказочных песен.

*Паучок-паучок,
Дверь закрой на крючок...*

Я резко дернула головой и сплюнула на рельсы.

Наверняка у него был с собой нож. Он бы не решился напасть на меня вооруженным одними зубами и ногтями. Я представила себе, как этот нож входит мне между ребер, как делает надрезы на руках, чтобы снять кожу. Меня тут же придавило рухнувшей откуда-то тяжестью и опалило жаром, и

ни о чем больше я думать не могла. Какую часть тела он взял бы у меня? Руку? Ледяную, белую, зловещую Руку Славы? Или глаз – почерневший стеклянный шарик?

«Правую ступню», – подсказали мне остатки здравого смысла. В пару к левой, отрезанной у Хансы.

Наконец тревога загнала меня в вагон. Его почти целиком занимала, как мне показалось, одна большая семья туристов – все, к моему неудовольствию, бодрые и ясноглазые. Они сразу уставились на меня – на мою худу, на солнечные очки, на прокушенное лицо. Самая маленькая туристка, которой в такой час вообще-то давно уже пора было спать, крутилась вокруг поручня так, что в глазах мелькало, но, увидев меня, застыла на месте и взвизгнула, как собачонка, которой наступили на хвост.

Я показала ей большой палец и уселась между рослым мужчиной в длинных шортах и встревоженно поглядывающим на меня дедушкой с палкой в руках. Можно было только гадать, какие истории они сейчас сочиняют про меня в уме.

Скорее всего, приняли за кокаиunistку. Нанюхалась, грохнулась в ванной и рассекла подбородок.

В таком случае они были не слишком далеки от истины. Сопределье подкралось, как сон, нахлынуло, как волна, и тут же исчезло. Остался только адреналин в крови и морская соль на коже. И память о том, каково это – почувствовать в себе силу. Не так, чтобы опьянеть от нее на миг и к утру забыть, а по-настоящему.

Меня мутило, било дрожью, кровь текла из ран в трех разных местах. И в то же время я была в диком восторге, не хотела расставаться с этой силой и с безумным сожалением чувствовала, как она покидает меня. Я перебирала в памяти все, что случилось там, в темноте. Песенку из Сопределья, гладкую кожу вокруг губ певца, пустоту, которой веяло от его дыхания. И этот голос... Я не могла отделаться от ощущения, что он мне знаком.

Когда я наконец выбралась из метро, небо уже потеплело и сделалось из черного серым. Я взглянула на кончики своих пальцев. Они тоже становились теплее – все еще бледные, но уже почти приемлемого оттенка. Я купила в ларьке бутылку воды и смыла кровь с лица и рук, но поднимать футболку и промывать царапины на ребрах не решилась. Разодранный бок горел огнем, болел и тошнотворно немел одновременно, словно не мог решить, на каком поганом ощущении остановиться. А когда еще и какой-то козел на Бауэри двинул мне по ребрам рюкзаком, я, кажется, обрела призматическое зрение.

Домой я пока не пошла. Направилась в другое место, где до сих пор еще ни разу не бывала, только слышала о нем. Я и сейчас-то туда шла без охоты. Это было узкое кирпичное здание в продутом всеми ветрами районе Нижнего Манхэттена, с ржавыми железными балконами по всему фасаду. На боковой стене красовались буквы А и Д – все, что осталось от длинного названия прежде располагавшегося там отеля.

Разумеется, все обитатели называли его не иначе как адом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.